СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

МАЙ 1869 ГОДА.

Цѣна 50

То зеркало лишь хорошо, которое вѣрно отражаетъ.

ФЛЕЙЩИКЪ. *)

Кутузовъ привѣтствуетъ орла какъ вѣстника побѣды (стр. 168).

I.

Тихо и спокойно было въ русскомъ лагерѣ, раскинутомъ на поляхъ Бородинскихъ, въ то время, какъ на противуположной сторонѣ, у стѣны Колоцкой обители, раздавались пѣсни и музыка въ станѣ французовъ. Русскіе, ожидая назавтра великаго дѣла,

*) 1812-й годъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ событій въ русской исторіи. Императоръ французовъ Наполеонъ I, разсерженный на Россію, за нежеланіе ея покориться его волѣ, двинулъ противъ насъ свою громадную армію, подкрѣпленную еще подвластными ему народами. Императоръ Александръ I Благословенный (родной дядя нынѣ благополучно царствующаго Государя) обратился къ русскому народу съ воззваніемъ, въ которомъ призывалъ всѣхъ и каждаго идти противъ непріятеля. Народъ послушался голосу своего Государя и всякій, кто только могъ, старый и молодой, пошелъ въ ряды русской арміи. Хотя французы и взяли Москву, но были скоро оттуда выгнаны, а затѣмъ прогнаны совсѣмъ изъ нашего отечества. Передъ сдачей Москвы, наши войска встрѣтились съ непріятельскими на Бородинскомъ полѣ (между Смоленскомъ и Москвою) и тутъ произошло одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій. Русскіе не могли заставить отступить французовъ, за то и тѣ не могли оттолкнуть наши войска.

душою возсылали ко Всевидящему молитву о защитѣ родины; по рядамъ ихъ носили икону Смоленской Божіей Матери, и шедшее кругомъ ея, въ полномъ облаченіи, духовенство тоже молилось о ниспосланіи побѣды русскому оружію. Торжественна, высока была эта минута! Цѣлыя тысячи храбрыхъ защитниковъ отечества, при появленіи иконы, падали предъ нею на колѣни. Всѣ сердца бились однимъ чувствомъ, всѣ души, казалось, слились въ одну душу, готовую разстаться съ тѣломъ для спасенія и славы родины. Скоро громкое *ура* огласило воздухъ, раздалось въ центрѣ русской арміи, и далекимъ перекатнымъ эхомъ разлилось по флангамъ. По линіи войскъ, на казацкой лошади ѣхалъ почтенный старикъ, будущій герой и спаситель отчизны — князь Кутузовъ-Смоленскій. Въ это время надъ головами самого главнокомандующаго и всей русской арміи показался орелъ.

— Орелъ! орелъ! кричали солдаты, слѣдя взорами за его полетомъ. Кутузовъ снялъ шляпу, привѣтствуя вѣстника побѣды. Орелъ, описавъ кругъ надъ цѣлымъ русскимъ станомъ, быстро полетѣлъ на западъ.

Затѣмъ снова все смолкло въ нашемъ лагерѣ; только вечерній вѣтерокъ доносилъ къ нему отголосокъ пѣсень и радостныхъ кликовъ французовъ, которые заранѣе думали отпраздновать побѣду, и потому шумно пировали въ то время, какъ наши солдаты молились и готовились къ битвѣ.

25-го августа, канунъ Бородинской битвы, былъ день сырой и дождливый: тяжелыя, свинцовыя тучи обложили все небо.

Наступала ночь, покрывая собою вечерній горизонтъ. Нѣсколько человѣкъ егерей, окончивъ работу, собрались въ кучку и тихо разговаривали о томъ, что ожидаетъ ихъ завтра. Общее вниманіе было обращено на слова одного изъ собесѣдниковъ, виднаго дѣтину, съ мужественнымъ и загорѣлымъ лицемъ, должно быть видавшимъ бивуачную жизнь подъ небомъ Турціи.

— Что, братцы-товарищи, говорилъ онъ съ жаромъ, — намъ ли, вѣрнымъ слугамъ царскимъ, положить охулку на руку? Ударимъ ли лицемъ въ грязь? осрамимъ ли имя русское? Нѣтъ! не бывать тому! въ грязь втопчемъ бусурмана! Эхъ-ма, дай-то Пресвятая Владычица дожить только до завтра, а тамъ... по первому слову отца-командира хоть въ пушку. Такъ ли, ребята?

— Еще бы нѣтъ, отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ; — будто слово командирское можно прослышать? А что, Ефремычъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ говорившему,—я думаю, будетъ работы завтра?

— Вѣстимо будетъ,—отвѣчалъ Ефремычъ. Да наше не пропало. Плохо придется французамъ завтра: видѣли давича орла-то?

— Какъ же! — отвѣчали собесѣдники.

— Ну, то-то и есть, такъ нашей и быть побѣдѣ.

— Да какъ же это ты знаешь?

— Экой простакъ, сейчасъ видно, что еще не свелъ съ ногъ мозолей, что лаптями натеръ. Какъ? Подумай головой-то хорошенько. Вѣдь орелъ всякую птицу бьетъ?

— Ну, такъ что?

— Неучъ! Ну, такъ что! — воскликнулъ Ефремычъ, передразнивая молодаго солдата. Понятное дѣло, что будетъ изъ того, когда орелъ леталъ надъ нами?

— Да, надъ нами! какъ же? извѣстное дѣло! — вторили ему остальные.

— Ну, слѣдовательно французамъ со всею заморщиною, что натащили съ собою, словно жиды старую вѣтошь въ свой амбаръ, не миновать завтра чески.

— Не миновать, ей-ей не миновать, — заговорили егеря.

— Пусть моя жена останется безъ мужа, а сынишко безъ отца, лишь бы удалось съ врагомъ-то перевѣдаться порядкомъ.

— Эхъ, молодцы, какъ бы Богъ привелъ завтра одолѣть силу вражескую, съ радостію бы легъ въ мать сырую землю, — сказалъ Ефремычъ: вѣдь мы для того и служимъ

Царю-Батюшкѣ, что наше дѣло умирать за него, и по его царскому слову; а сиротъ нашихъ онъ, отецъ милостивецъ, не забудетъ. На святой Православной Руси ни одна капля поту не спадетъ за даромъ со лба служиваго. А командиры-то, генералы-то наши, развѣ семействъ не покинули? развѣ не несутъ грудь подъ пулю? Право-слово, друзья. Гдѣ надо лицемъ да грудью, тамъ они впереди.

— Что наша жизнь? Она вся царская. Умирать за вѣру и царя святое дѣло!

— Вѣстимо, точно! — повторяли егеря.

— Да, ребята,—снова началъ Ефремычъ, съ радостію умремъ за честь, за спокойствіе всей земли русской, поработаемъ штыкомъ-голубчикомъ.

Тутъ Ефремычъ, съ силою приподнявъ ружье за стволъ, ударилъ прикладомъ его о землю.

Въ эту минуту лице его покрылось блѣдностію, и кровь быстро начала просачиваться изъ-подъ лѣваго рукава мундира.

— Ефремычъ! Ефремычъ! вскричало нѣсколько голосовъ: ты раненъ?

— Ничего, братцы, — спокойно, но тихо отвѣчалъ онъ: это такъ, давича оцарапила вражья пуля, какъ ходилъ на Колочу за водою. Стрикожникъ!— продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому товарищу: подержи-ка за рукавъ, я сниму мундиръ: должно быть перевязка лопнула.

Въ то время, какъ раненому перевязывали руку, къ егерямъ подошелъ хорошенькій, полненькій и краснощекій мальчикъ, лѣтъ пятнадцати. Солдатскій мундиръ одѣвалъ стройный станъ молодаго воина, аккуратный форменный киверъ, надѣтый молодецки на бекрень, прикрывалъ его головку, гладко обстриженную.

— А! Митя! — вскричали егеря, здорово! гдѣ пропадалъ?

Но юноша, не отвѣчая на пріятельскіе возгласы сослуживцевъ, быстро раздвинулъ толпу и подбѣжалъ къ раненому.

— Братецъ, голубчикъ, ты раненъ?— вскричалъ онъ, схвативъ руку Ефремыча.

— Раненъ, братъ, Митя! раненъ! — отвѣчалъ послѣдній: да чего же ты то испугался? Эхъ, помилуй Господи! Большая бѣда, если изъ тебя выйдетъ полфунта крови! Вотъ скажи-ка лучше, пріятель, что тебя такъ долго не было видно въ нашихъ краяхъ?

— Былъ у ротнаго командира на вѣстяхъ, отвѣчалъ Митя. Ахъ, братецъ, продолжалъ онъ, вотъ ужь наградилъ меня Господь Богъ начальникомъ... такой добрый, такой милостивый, что я каждый день молюсь за него.

— Такъ, Митя! такъ! перебилъ Ефремычъ. Царь да командиры вотъ твои родные! Для нихъ живетъ и умираетъ русскій солдатъ! Ну-ка, братъ, дай руку, пойдемъ!

— Куда же? спросилъ Митя, подавая руку брату.

— Хочу поговорить съ тобою,— отвѣчалъ Ефремычъ.

Братья молча прошли нѣсколько шаговъ, и сѣли на траву. Все кругомъ было тихо и темно, только штыки блестѣли въ разкинутой впереди русскихъ бивуаковъ цѣпи, да вдали, за лѣсомъ, надъ Колоцкимъ монастыремъ растилалось зарево отъ зажженныхъ во французскомъ лагерѣ костровъ.

— Знаешь ли ты, Митя, — началъ Ефремычъ, — что завтра быть великой битвѣ? можетъ статься многихъ изъ нашихъ не досчитаемся. Приготовился ли ты исполнить долгъ совѣсти и присяги?

— Приготовился, отвѣчалъ Митя, прямо глядя въ глаза своему брату.

— То-то, Дмитрій, помни, что присяга великое дѣло, что Богъ, во имя и славу Котораго деремся съ непріятелемъ, приказываетъ исполнять ее. Помни, Митя, — продолжалъ Ефремычъ сжимая руку брата, — слова старика-отца, который, отпуская тебя со мною, благословилъ образомъ св. Николая Угодника и сказалъ: „иди сынъ мой. Богъ и моя родительская молитва да будутъ твоими хранителями на полѣ ратномъ. Смерти

*

не бойся — иначе нѣтъ тебѣ моего благословенія, а это будетъ тяжелѣй для тебя, чѣмъ смерть отъ вражьей руки.“ Сдержи же обѣщаніе и клятву, которую ты далъ батюшкѣ при прощаньѣ.

— Сдержу! — громко отвѣтилъ Дмитрій, и по глазамъ его было видно, что онъ дѣйствительно исполнитъ свое обѣщаніе.

— Хорошо; теперь дай я благословлю тебя еще разъ вотъ этимъ образомъ, какъ это сдѣлалъ отецъ.

Растроганный, но съ сверкающими отъ воодушевленія глазами, сталъ Митя на колѣни передъ братомъ, который отъ волненія и вслѣдствіе недавно прорвавшейся раны, былъ такъ слабъ, что едва могъ подняться съ мѣста.

— Да благословитъ тебя Богъ, проговорилъ онъ, кладя руку на голову брата, и осѣняя его небольшимъ образкомъ Казанской Божіей Матери,— дерись такъ, какъ русскій солдатъ умѣетъ драться; умри, а не сдавайся — и въ голосѣ его послышались слезы.

Митя всталъ и они крѣпко обнялись.

— Такъ завтра умремъ рука объ руку, если ужь на то воля Божія, но не будемъ хуже другихъ... Флейта сама по себѣ, а возьми-ка въ запасъ вотъ это (Ефремычъ указалъ на ружье). У него славный клапанъ, только прижми крѣпче о грудь врага — славно сыграетъ. Не бойся же ничего — продолжалъ онъ. Пушка ли, болото, оврагъ, вода или огонь — иди! Убьютъ — не твое дѣло. Святая Церковь помолится за упокой души твоей. Не бойся пули — она больно бьетъ только труса, а храбрый самъ ее ищетъ. Не пяться отъ врага — задомъ только раки ходятъ. Иди впередъ грудью, а рукамъ не давай плошать. Будь такимъ солдатомъ, который сойдется съ врагомъ грудь о грудь, ударится пуговицей о пуговицу, рѣсницей о рѣсницу — и въ рукопашную. И тутъ, бывалый уже въ битвахъ Ефремычъ, началъ разсказывать обо всемъ, что видѣлъ и передавалъ тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на него разношерстная и разнохарактерная армія Наполеона. Наконецъ онъ умолкъ, а Митя, увлеченный словами брата, не спускалъ съ него глазъ.

Канунъ Бородинской битвы. Ефремычъ благословляетъ Митю
(стр. 170).

— Молился ли ты? спросилъ тотъ.

— Молился, братецъ, и опустилъ копѣечку въ кружку, что поставлена у иконы Смоленской Божіей Матери.

— Хорошо: не забывай Бога, и Онъ тебя не забудетъ. Знаешь: за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ! Ну, надѣлъ ли чистую рубаху?

— Надѣлъ.

— Такъ значитъ, Митя, мы готовы хоть сейчасъ душой и тѣломъ. Теперь не худо тебѣ и уснуть часокъ, другой, пожалуй скоро и заговорятъ наши старушки-пушки. Пойдемъ по мѣстамъ.

Митя долго не могъ заснуть: кровь бушевала въ немъ и не давала ему покоя. Наконецъ усталость и безсонница прошедшей ночи, которую молодой воинъ провелъ въ походѣ, взяли свое, и онъ заснулъ... Во снѣ Митѣ представилось сраженіе: — кучка русскихъ солдатъ, въ числѣ которыхъ и онъ былъ, смѣло шла на непріятеля. Въ это самое время громъ пушекъ и ружейныхъ выстрѣловъ разбудилъ его: — началась Бородинская битва не во снѣ, а на яву.

Встрѣча Мити съ отцемъ (стр. 173).

II.

Митя вскочилъ на ноги, протеръ глаза, и голова его закружилась; въ то же мгновеніе, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, упало пушечное ядро и осыпало его пескомъ; онъ вскрикнулъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, и наткнулся на брата.

— Скорѣй, скорѣй, Митя! вскричалъ Ефремычъ, — слышишь барабанъ?

Егеря строились въ колонну. Одинъ отрядъ ихъ уже пошелъ къ лѣсу, чтобы залечь въ кустарникъ.

Чрезъ 10 или 15 минутъ, прискакавшій казакъ привезъ остальнымъ егерямъ приказъ идти на помогу товарищамъ.

— Ого! замѣтилъ одинъ изъ рекрутовъ, много же нашихъ тамъ убиваютъ.

— Считай во рту зубы! перебилъ его Ефремычъ. Миръ праху того—кто палъ, добавилъ онъ набожно перекрестясь.

— Смирно! скомандовалъ поручикъ; впередъ ребята, перекреститесь. Маршъ!

Стройно и дружно пошли солдаты въ лѣсъ.

Митя шелъ рядомъ съ братомъ, который находился на краю. Ефремычъ надѣлъ на брата сумку съ пулями и сунулъ въ руки ружье.

Въ это время изъ лѣса показалась непріятельская кавалерія, и быстро поскакала на встрѣчу егерямъ.

— Вотъ и работа на лицо,—сказалъ вполголоса Ефремычъ.

— Этимъ старымъ знакомымъ ужь не одинъ разъ чистилъ зубы штыкъ русскій, да вѣрно все неймется? подхватилъ сѣдой товарищъ Ефремыча. Ну, братцы, продолжалъ онъ, обращаясь къ остальнымъ, дадимъ же себя знать пріятелямъ.

— Попытаемъ! Помогай Богъ! отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Стой! скомандовалъ поручикъ и цѣлыя сотни пуль полетѣли по направленію къ непріятелю. — Ребята, впередъ! съ нами Богъ. Маршъ! — кричалъ онъ затѣмъ и храбрые егеря скорымъ шагомъ пошли на встрѣчу врагамъ и дружно ударили въ штыки. Картина сраженія такъ подѣйствовала на Митю, что онъ, не помня себя, кидался изъ стороны въ сторону и билъ непріятеля, который встрѣчался ему по пути.

Вдругъ онъ сталъ лицемъ къ лицу съ усатымъ и рослымъ непріятельскимъ солдатомъ.

— Ахъ ты, чертенокъ! вскричалъ усачъ и, замахнувшись на Митю, ударилъ его въ голову прикладомъ своего ружья.

Несчастный мальчикъ зашатался, глаза его помутились, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю....

Ночь смѣнила день кровопролитнаго боя. Всходящая луна блѣдно освѣщала тысячи мертвыхъ тѣлъ, которыя покрывали поле. На каждомъ шагу валялись каски, ружья, сабли, пушки. Въ сторонѣ подымался густой дымъ, отъ горѣвшихъ сосѣднихъ селъ и деревень, зажженныхъ непріятелемъ.

Около оврага раздался чей-то тяжелый стонъ. Раненый приподнялъ голову, мутными глазами поглядѣлъ вокругъ себя и опять опустилъ ее на окровавленную землю.

— О, Господи! какъ тяжело мнѣ. Какъ сдавило грудь! Пить хочется. — Дайте мнѣ пить! пить дайте!— почти не слышно шепталъ несчастный. Но никто не отвѣчалъ ему: кругомъ его было мертвое молчаніе, только прохладный вѣтерокъ шевелилъ ободранной одеждой убитыхъ. И вотъ этотъ-то вѣтерокъ легкою струйкой прошелъ по лицу больнаго. — Послѣдній вздрогнулъ, открылъ глаза и остановилъ ихъ на лунѣ, которая въ ту минуту была передъ нимъ.

— Гдѣ я? спросилъ онъ, и хотѣлъ приподняться, но не могъ: онъ страшно ослабѣлъ.— Гдѣ же братъ мой? гдѣ онъ? Ефремычъ! продолжалъ шептать Митя (раненный былъ никто другой, какъ нашъ молодой флейщикъ).

Мало по-малу онъ сталъ приходить въ себя и вспомнилъ все, что было.

— Господи, Господи! говорилъ онъ. О, какъ тяжело, какъ больно груди! Пить, пить дайте мнѣ? Одну только каплю, одну росинку и я легко бы, сладко бы умеръ.—Взоръ Мити, выражавшій страшное, тяжелое изнеможеніе, блуждалъ безъ цѣли и мысли по окружавшимъ его предметамъ; а воспаленный жаждою языкъ не могъ проговорить ни одного слова.

Въ это время онъ замѣтилъ не далеко отъ себя солдатскій ранецъ и на немъ жестяную манерку, въ которой должна была быть вода. Съ крикомъ благодарности за милость, посылаемую Богомъ, поползъ онъ къ ранцу, но отъ усилій кровь снова кинулась въ голову и онъ упалъ безъ чувствъ. Пролежавъ около часа въ безпамятствѣ, онъ наконецъ пришелъ въ себя и доползъ до ранца. Мигомъ сорвалъ онъ съ манерки крышку и запекшимися отъ внутренняго жара губами, прилегъ къ ней и началъ съ жадностью глотать воду; послѣ этого силы юноши воротились, онъ почувствовалъ себя бодрѣе и легко могъ подняться на ноги. Первымъ его движеніемъ было отъ всей души поблагодарить Бога за спасеніе. — Послѣ этого, онъ, опираясь на ружье, двинулся по полю.

Страшная, грустная картина поразила Митю: — тысячи убитыхъ товарищей, такихъ же солдатъ, какъ и онъ, валялись на землѣ. Въ двухъ шагахъ отъ него лежали одинъ на другомъ, проколотые насквозь штыками, русскій и французъ. Смерть сблизила ихъ, но

злоба и ожесточеніе ясно были нарисованы на помертвѣлыхъ лицахъ, сохранившихъ послѣднее выраженіе, послѣднее чувство. Тамъ всадникъ, сдавленный убитою лошадью и умершій въ судорогахъ, пугалъ своимъ страшно-обезображеннымъ, синимъ лицомъ, освѣщаемымъ въ эту минуту луною. Митя не выдержалъ и невольно закрылъ глаза.

— Боже мой! думалъ онъ,—сколько тысячь матерей и женъ осиротѣли сегодня! сколько крови! Міръ праху вашему, падшіе товарищи! Міръ и слава вамъ, герои начальники!

Говоря это, Митя набожно крестился. Куда я теперь пойду? думалъ онъ; знаю, что влѣво должна быть деревня Семеновская, да чего добраго, она теперь занята врагами. Но Божья воля, чему быть, того не миновать,—продолжалъ онъ — иду.

Грустно было на душѣ Мити—онъ думалъ о братѣ, считая его убитымъ, да и свое-то настоящее положеніе не могло радовать молодаго воина, потому, что онъ легко могъ наткнуться на непріятельскіе разъѣзды и попасть въ плѣнъ.

— Нѣтъ! вскричалъ Митя. Нѣтъ!—повторилъ онъ. Пусть лучше сто пуль попадетъ въ мою грудь, но не сдамся! Братъ сказалъ: „умри, если умирать надо, но не сдавайся.“ Умру, но живой не попаду къ нимъ въ руки. Боже мой, это кто? — вскричалъ онъ, замѣтивъ толпу людей, идущихъ къ нему на встрѣчу. Не окрѣпнувшія достаточно силы опять покинули его, ноги подкосились и онъ упалъ на землю.

Дѣйствительно, шагахъ въ двухъ стахъ отъ Мити можно было разглядѣть человѣкъ тридцать русскихъ ратниковъ. На шапкахъ, прикрывающихъ ихъ головы, сверкали кресты. Это были ратники Смоленскаго ополченія, которые въ пылу битвы выносили нашихъ раненыхъ изъ-подъ пуль, успѣвая въ то же время поколотить и непріятелей. Они оставались и ночью выполнять свою святую обязанность, отыскивая раненыхъ, въ которыхъ теплилась еще жизнь и давали имъ помощь.

— Братцы, видите?—спросилъ одинъ изъ ратниковъ, сѣдой старикъ, указывая на Митю. Окладистая и сѣдая борода его свидѣтельствовали о долгихъ лѣтахъ, прожитыхъ имъ, а свѣжее лице и добрая походка были вѣрнымъ доказательствомъ скромной и степенной жизни мужичка.

— Видимъ! Видимъ! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Пойдемъ къ нему, Емельянычъ?—сказалъ молодой парень, обращаясь къ старику,—быть можетъ это и русскій?

— Вѣстимо, пойдемъ, охъ, родимый! онъ падаетъ — вскричалъ Емельянычъ и бѣгомъ бросился къ Мити.

Мигомъ окружили ратники молодаго солдата и всѣми силами старались привести его въ чувство:—одинъ мочилъ ему виски, другой насильно вливалъ воду въ ротъ. Митя открылъ глаза и первое, что онъ увидѣлъ, это сѣдаго старика, плачущаго какъ ребенокъ.

Взглянулъ на него Митя и обомлѣлъ.

— Батюшка! Родимый!—едва успѣлъ онъ проговорить и повисъ на шеѣ старика отца.

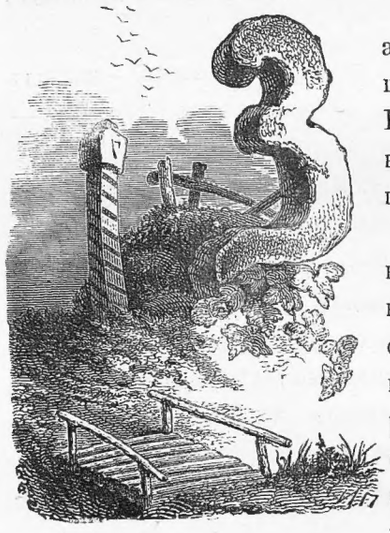
(Окончаніе будетъ).

ФОНАРЩИКЪ.

(*Продолженіе.*)

ГЛАВА XLII.

Кто была мать Джерти.



а недѣлю до нашего пріѣзда въ Ріо-Жанейро, капитана Грея внезапно схватило сильное воспаленіе легкихъ, и три дня спустя, онъ умеръ на нашихъ рукахъ. Люси не отходила отъ него во все время болѣзни, а послѣ его кончины мы ее вынесли на рукахъ почти безъ памяти на палубу. Я всѣми силами старался поддержать ея юношескую твердость, но она впала въ такое уныніе, что мнѣ казалось это страшнѣе всякаго отчаянія. Отецъ ея никакихъ распоряженій передъ смертію не сдѣлалъ, да оно было бы довольно трудно. Всѣ его денежныя дѣла были очень запутаны, что тутъ же и оказалось. Люси какъ будто предчувствовала, что онъ ее оставлялъ одну въ мірѣ, безъ денегъ, между тѣмъ мы приближались далеко не къ гостепріимному берегу, гдѣ для бѣдной сироты трудно было найдти надежный пріютъ или пристанище. По обыкновенію моряковъ, капитана похоронили, предавъ волнамъ его тѣло. Послѣ этой грустной церемоніи я спустился въ каюту, чтобы потолковать съ Люси о ея будущности и по возможности придумать, хотя что нибудь для облегченія ея положенія. Гавань была уже въ виду — черезъ нѣсколько часовъ мы всѣ должны были сойти съ судна, и я рѣшился у нея спросить: что же она намѣрена дѣлать? Она молча меня слушала и наконецъ залилась слезами.

Жаль мнѣ было эту дѣвочку, почти еще дитятю и я ее умаливалъ не терять бодрости духа и утереть слезы. Тогда рыдая, прерывающимся голосомъ она стала просить моей помощи и защиты. Съ дѣтскою довѣрчивостію она умоляла меня ее не покидать, повторяя, что у нея нѣтъ ни единаго родственника или даже знакомаго; что она умретъ отъ нищеты въ чужомъ краю, лишь только ступитъ ногой на незнакомую землю и увидитъ себя между людьми ей чужими. Что оставалось мнѣ дѣлать? Мы оба были круглыя сироты. Моя жизнь, на столько же безцвѣтная, какъ и безцѣльная, никому не была нужна. Мы не сходились съ Люси только въ одномъ, я могъ еще работать, и этимъ поддержать и себя и ее, она же хлѣба насущнаго заработать была не въ состояніи. Обдумавъ хорошенько, я пришелъ къ сознанію, что могу посвятить себя на благую цѣль, жить и трудиться для безпріютной сироты и хотя сердце мое было разбито, я чувствовалъ, что былъ еще въ силахъ обѣщать ей и защиту, и покровительство. Все это высказалъ я ей прямо и откровенно, не входя ни въ какія подробности моего прошедшаго. Люси и въ мысль не приходило выдти за меня замужъ; она по дѣтской простотѣ и искренности искала друга и покровительства, но когда я ей растолковалъ, что только соединившись свято передъ Богомъ и людьми, мы можемъ жить неразлучно вмѣстѣ, она меня со вниманіемъ выслушала и согласилась безъ радости и безъ огорченія, единственно, чтобы спасти себя отъ безвыходнаго своего положенія. Единственный нашъ повѣренный и свидѣтель при вѣнчаньи, которое было совершено черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи нашемъ въ Ріо-Жанейро — былъ старый матросъ, знакомый съ бурями и непо-

годами, который зналъ и любилъ Люси съ младенчества. Можетъ быть, имя его тебѣ и знакомо—это былъ Бенъ Грантъ. Онъ сошелъ съ нами на берегъ, присутствовалъ въ церкви, какъ свидѣтель при нашемъ бракѣ, и помогъ устроить крошечный нашъ уголокъ на первую пору. Этотъ человѣкъ былъ безгранично преданъ Люси; но ты увидишь, что и его преданность послужила намъ въ гибель.

Съ большимъ трудомъ добился я мѣста въ конторѣ у человѣка порядочнаго, который когда-то зналъ моего покойнаго отца. Онъ былъ зажиточный купецъ, и скоро мои дѣла устроились на столько хорошо, что моя молоденькая жена могла жить спокойно, и мирно, хотя и не въ роскоши.

Кротость ея милаго характера, веселость, которая такъ скоро къ ней воротилась и съ которою она безъ малѣйшаго неудовольствія переносила всѣ лишенія, ея любовь ко мнѣ и вниманіе ко всѣмъ моимъ нуждамъ и даже прихотямъ имѣли самыя благія послѣдствія. Я оживился и душа моя какъ будто освобождалась отъ запутавшихъ ея тяжкихъ воспоминаній. Люси своею ласковой, нѣжной ручкой какъ будто сглаживала морщины съ моего преждевременно состарившагося лица. Тѣ счастливые мѣсяцы, которые я прожилъ съ твоею матерью, другъ мой Джерти, я могу назвать счастливѣйшими въ моей превратной, горькой жизни. Я ее очень любилъ, хотя, можетъ быть, совсѣмъ инымъ чувствомъ, какъ была моя любовь къ Емиліи. Мнѣ казалось, что Люси похожа на тѣ цвѣточки, которые нечаянно, нежданно вдругъ разцвѣтаютъ на могилѣ и своимъ прекраснымъ благоуханіемъ даже и на кладбищѣ манятъ къ себѣ усталаго путника. Если я и тебя такъ горячо люблю, дочь моя, то вѣрь мнѣ, что менѣе вижу въ тебѣ мою собственную дочь, чѣмъ живое воспоминаніе того нѣжнаго цвѣтка, которое мнѣ привелось такъ мало беречь и лелѣять.

„Мѣсяца два послѣ твоего рожденія, прежде, чѣмъ твои младенческіе глазки научились меня узнавать, меня послали по дѣламъ конторы, въ край довольно отдаленный отъ Ріо. Я акуратно писалъ Люси, но тогда почты были ненадежны и очень дурно устроены — я и теперь не знаю, получала ли она мои письма. Недѣль пять послѣ моихъ разъѣздовъ, по мало извѣстной глухой странѣ, я попалъ въ мѣстечко, гдѣ свирѣпствовала „малярья,“ извѣстная желтая лихорадка. Несмотря на всѣ предосторожности, я заразился ею и сильно занемогъ. Нѣсколько недѣль сряду лежалъ я, ни живой, ни мертвый; къ тому же денегъ у меня не было и при страшной заразительной этой болѣзни никто не хотѣлъ за мною ходить даромъ. Я же самъ былъ безъ памяти, по этому душевно не страдалъ и не знаю даже, какъ прошло это тяжелое время, за то, когда я пришелъ въ себя и началъ распрашивать долго ли я былъ въ безнадежномъ положеніи, то меня обуялъ невольный ужасъ, когда я сообразилъ, что такъ давно не было никакихъ извѣстій ни о моей Люси, ни о тебѣ. Я не въ силахъ тебѣ и описать моихъ безпокойствъ, мученій въ теченіи почти шести недѣль, прежде чѣмъ исхудалый, въ лохмотьяхъ, я могъ наконецъ отправиться изъ этого ужаснаго мѣстечка обратно въ Ріо. Но и тутъ меня ожидали еще большія страданія. Когда я пришелъ на нашу квартиру, то увидѣлъ, что двери и ставни были заколочены и мнѣ совѣтовали идти далѣе, если хочу уберечься отъ той же жестокой желтой лихорадки, которая унесла почти всѣхъ жителей этого квартала. Напрасно освѣдомлялся я объ Люси, объ тебѣ, напрасно бѣгалъ я отъ одного полицейскаго къ другому, чтобы узнать хотя что нибудь. Когда ужасная эта эпидемія свирѣпствуетъ въ тѣхъ краяхъ, то вселяетъ такой ужасъ, что покойниковъ хоронятъ гуртомъ, не записывая ни имени, ни званія ихъ. Я вездѣ искалъ Бена Гранта, которому я васъ обѣихъ ввѣрилъ, зная его преданность, но все было напрасно. Я бросился къ купцу, моему хозяину, въ увѣренности, что Люси вѣроятно обратилась

къ нему, чтобы имѣть обо мнѣ извѣстія, но и его уже не было въ живыхъ, и онъ умеръ жертвой маларьи. Контора его была заперта, а коммерческій домъ упраздненъ. Такъ прошло еще нѣсколько времени. Объ васъ не было ни слуху, ни духу. Совершенное отчаяніе овладѣло мною. Я сѣлъ на первое попавшееся мнѣ судно и съ жестокимъ убѣжденіемъ, что судьба меня преслѣдуетъ, что я долженъ былъ предчувствовать и предугадывать, что счастіе моимъ удѣломъ никогда не будетъ, я отправился въ безконечное странствованіе по морю и на сушѣ, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду и еще болѣе ожесточило мою осиротѣлую душу. И въ степяхъ, и въ городахъ люди тѣже, они и холодные, и безжалостные, всюду между ними вражда и зависть, нигдѣ нѣтъ спокойствія, нѣтъ ни дружбы, ни справедливости. Я научился по опыту не столько ненавидѣть человѣчество, какъ презирать его.

Меня больше всего оскорбляло то, что покуда я былъ бѣденъ, люди меня даже избѣгали; я путешествовалъ по индѣйскимъ степямъ почти такимъ же нищимъ, какъ и индѣйцы сами, я кормилъ себя, какъ и они, охотой, рыбной ловлей и какой случится работой. Эти путешествія какъ будто успокоивали мой безпокойный духъ, я нигдѣ тихо и спокойно жить не могъ; меня какъ будто тянула какая-то страсть къ кочующей жизни. Наконецъ я прибылъ въ Калифорнію, эту обѣтованную землю богатства, которая сгубила столько несчастныхъ переселенцевъ. Они искали золота, а нападали на страшныя болѣзни, нужду и часто нищету и смерть—а меня, которому до золота и дѣла не было, судьба натолкнула на такія богатѣйшія розсыпи, что золото такъ и полилось ко мнѣ рѣкой. Въ нѣсколько недѣль я буквально разбогатѣлъ, такъ что къ концу лѣта купилъ большой участокъ земли, который теперь уже застроенъ и городами, и селеніями. Это самое заселеніе удвоило мое состояніе. Но что было еще несравненно для меня важнѣе, я въ это же самое время пріобрѣлъ неоцѣненную жемчужину, передъ которой все мое богатство было ничто. Тебѣ вѣроятно извѣстно, сколько въ Калифорніи было людей голодныхъ, больныхъ, изнуренныхъ, мое состояніе давало мнѣ возможность помогать имъ. Въ числѣ такихъ, еле живой, весь въ лохмотьяхъ, приползъ къ дверямъ моей палатки несчастный переселенецъ, умоляя меня о помощи; я его пріютилъ, велѣлъ накормить и напоить, но не успѣлъ онъ оправиться, не прошло и десяти дней, какъ грубая его натура стала проявляться во всѣхъ его словахъ и движеніяхъ. Онъ даже со мной былъ дерзокъ, такъ что, снабдивъ его необходимыми деньгами, я ему велѣлъ убираться куда онъ хочетъ, и оставить мое поселеніе.

Съ неудовольствіемъ и какимъ-то нахальствомъ, онъ просилъ позволенія остаться еще до другаго дня, говоря, что ему до ночлега идти далеко, а я, не воображая, чтобы онъ дѣйствительно былъ злодѣемъ, не рѣшился отказать ему. Не успѣлъ я заснуть, какъ шорохъ меня разбудилъ, всматриваясь осторожно при свѣтѣ моего ночника, я вдругъ, тутъ же убѣдился, что облагодѣтельствованный негодяй обиралъ своего благодѣтеля и тащилъ съ моего стола все, что было можно, часы, бумажникъ, онъ даже схватилъ мою шкатулку съ деньгами. Тогда я вскочилъ съ постели и схватилъ его за горло. Онъ хотѣлъ было выстрѣлить въ меня изъ револьвера, но я въ одну минуту вышибъ пистолетъ изъ его рукъ и такъ какъ былъ гораздо его сильнѣе, то повалилъ его на полъ и колѣнкой уперся ему въ грудь. Какъ всѣ трусы и негодяи, онъ умолялъ о пощадѣ. Впрочемъ онъ зналъ, что *законъ линьковъ* былъ тогда во всей силѣ, и что если я его выдамъ начальству, то его высѣкутъ линьками на площади; не всѣ воры могли вынести это ужасное наказаніе, и многіе изъ нихъ отъ него умирали. Потребовавъ, чтобы онъ выворотилъ свои карманы, я вдругъ увидѣлъ вещь, отъ которой у меня сильно забилось сердце...

это было кольцо моего покойнаго отца, оставленное мною Люси съ другими дорогими вещами. Тотчасъ же я спросилъ у него отъ куда онъ его взялъ, но онъ упрямо отговаривался, что не знаетъ, что не помнитъ, потому что тотчасъ же понялъ, что меня это кольцо заживо задѣло. Тогда начался между нами торгъ.—Онъ требовалъ, чтобы, выслушавъ его разсказъ, я простилъ бы его и отпустилъ. Ты можешь понять, что я на все согласился, лишь бы что нибудь узнать о Люси и о тебѣ.

Этотъ разбойникъ былъ Стефенъ, сынъ Бенна Гранта, который оставленъ былъ мною въ услуженіи у твоей матери. Онъ мнѣ разсказалъ, что тому уже нѣсколько лѣтъ Беннъ Грантъ, отецъ его воротился въ Бостонъ, съ маленькой дѣвочкой—это была ты, моя родная Джерти, моя несчастная сиротка! — что онъ слышалъ, какъ Беннъ объявилъ, что сиротку онъ взялъ къ себѣ изъ сожалѣнія, когда ея мать, покинутая мужемъ, бѣдная женщина, выѣхала по его совѣту изъ Ріо, заболѣла на пути и наконецъ умерла отъ жестокой желтой лихорадки. Беннъ Грантъ просилъ жену оставить сиротку у нихъ, но Нанна Грантъ, мать Стефена, была такого тяжелаго нрава, такъ часто съ мужемъ ссорилась и бранилась, что Беннъ потихоньку отъ нихъ отъ всѣхъ уѣхалъ куда-то въ море. Нанна Грантъ всегда баловала сына, по отъѣздѣ мужа онъ выпросилъ у нея тѣ вещи, которыя Беннъ отдалъ ей на сохраненіе, покуда ты была малолѣтняя: такимъ образомъ кольцо отца моего было въ его рукахъ. И этому-то кольцу Стефенъ обязанъ былъ, что я отпустилъ его, а я — тѣмъ, что наконецъ нашелъ дочь мою, мое единое сокровище. Разспрашивая съ невыразимымъ волненіемъ, что сталось съ тобою, милый другъ, Джерти, послѣ отъѣзда Бенна Гранта, я узналъ отъ Стефена, что ты перешла къ фонарщику Трюй Флинту и живешь съ нимъ.

Не успѣлъ я выслушать всѣ подробности, какъ тотчасъ сталъ устроивать свои дѣла такъ, чтобы немедленно отправиться въ Бостонъ. Пріѣхавъ на свою родину, мнѣ не трудно было навѣдаться о твоей участи. Но почтеннаго Флинта не было уже въ живыхъ, хотя всѣ говорили о немъ съ уваженіемъ, отдавая полную справедливость его честному характеру и добрѣйшей душѣ. И тебя, мою родную, милую, любили и вспоминали въ этомъ кварталѣ, но когда я сталъ разпрашивать, куда же ты дѣвалась послѣ смерти Трюя Флинта, меня какъ громомъ поразило извѣстіе, что тебя взяла къ себѣ въ подруги слѣпая Емилія Грегамъ и что ты живешь съ нею уже нѣсколько лѣтъ.

Это ужасное совпаденіе обстоятельствъ казалось мнѣ живымъ дѣйствіемъ Божьяго правосудія. Я, несчастный, лишилъ Емилію зрѣнія — а она, этотъ добродѣтельный ангелъ, твоя покровительница и защитница, какъ будто отнимала у меня мою единственную дочь, мою единственную радость на землѣ! Мнѣ казалось, что на мнѣ тяготѣетъ рука Божія!— я видѣлъ, что моя безпріютная сирота была связана всѣми святыми чувствами благодарности и любви съ тою, на которую, я кажется, взглянуть бы не рѣшился, страшась справедливаго приговора и заслуженныхъ упрековъ.

Мнѣ казалось, что всѣ земли и моря, которыя до сихъ поръ меня раздѣляли съ тобою, не были такими непреодолимыми препятствіями для нашего соединенія, какъ страшная мысль, что ты, моя единая дочь, росла и воспитывалась въ домѣ, гдѣ я былъ ненавидимъ! У меня духу недоставало подумать требовать, чтобы тебя отдали мнѣ какъ отцу, когда я зналъ, какъ вы были дружны съ Емиліей и какое ужасное пятно лежитъ на моемъ имени! Послѣ тяжкихъ и горькихъ размышленій я рѣшился доставить себѣ минутную радость на тебя взглянуть хотя издали. Время и еще болѣе всѣ мои странствованія и печали такъ меня измѣнили, что меня узнать было невозможно; все же я ходилъ какъ воръ, вокругъ дома Грегама и мнѣ удалось

наконецъ раза три видѣть тебя около Емиліи и тогда же милое твое личико живыми чертами врѣзалось въ моей памяти.

Осчастливленный, почти блаженный, я радовался, что моя Джерти жива, что она весела и счастлива, что страдаю я одинъ — мнѣ легче плакалось при сознаніи, что ты не знаешь этихъ страданій.

Съ тѣхъ поръ почти цѣлый годъ я не терялъ тебя изъ виду, и послѣднее ваше путешествіе въ Саротогу увлекло меня непреодолимо за вами. Я надѣялся, что, по случаю слѣпоты Емиліи, мнѣ удастся съ тобою сблизиться, не открывая передъ нею кто я— и ты видѣла, моя милая дочь, какъ исполнилось мое желаніе, ты видѣла, какое было для меня блаженство охранять васъ обѣихъ, предупреждать ваши желанія, беречь васъ и покоить. Никто себѣ представить не можетъ сколько было мучительнаго въ моемъ положеніи, несмотря на то, что я за каждое твое ласковое и довѣрчивое слово готовъ былъ бы отдать цѣлые десятки лѣтъ жизни. Сближаясь съ тобою, я узнавалъ сколько было прекраснаго, возвышеннаго, чистаго въ твоемъ умѣ и сердцѣ—и мирился съ человѣчествомъ, потому что все дышало въ тебѣ любовью и снисхожденіемъ. Ты теперь можешь разтолковать себѣ все, что казалось страннымъ въ моемъ повеленіи,— я сильно владѣлъ собою, до самаго пожара, даже ни разу громко не говорилъ, чтобы Емилія не могла услышать и узнать моего голоса. Но въ эту страшную минуту, мнѣ показалась, что она меня узнала, когда я такъ настоятельно требовалъ, чтобы ты спустилась въ каюту.

Теперь, всѣ мои вины, страданія и клевета людская тебѣ извѣстны. Любишь ли ты меня, Джерти, послѣ всего этого? Люби меня, дитя мое, умоляю тебя, не отнимай у меня моего единаго сокровища. Если бы ты могла положить твою руку на мое сердце и почувствовать, какъ оно въ сію минуту трепетно бьется въ ожиданіи твоего отвѣта! Приди ко мнѣ, уйми, успокой его волненія, я жду тебя въ горячія мои объятія: противу самыхъ твоихъ оконъ, въ бесѣдкѣ у озера, отецъ твой прислушивается съ замираніемъ духа къ шороху твоихъ ожидаемыхъ шаговъ.“

ГЛАВА XLIII.

Примиреніе.

итая въ сильномъ волненіи содержаніе длиннаго этого письма, Джерти не успѣла дойти до послѣднихъ его строкъ, какъ вскочила со стула и бѣгомъ пустилась на лѣстницу; разбросанные листы письма разлетѣлись по полу ея комнаты, но она даже этого и не замѣтила. Она летѣла по саду, какъ духъ, еле касаясь земли, прямо къ бесѣдкѣ у озера, гдѣ Анори ждалъ ее со сложеными на груди руками и трепетнымъ біеніемъ сердца. Джерти кинулась къ нему на шею, дрожала всѣмъ тѣломъ, слезы и рыданія не давали ей выговорить ни слова, ей казалось, что она не вынесетъ своей радости. Обвивъ нѣжно дочь руками, блаженный отецъ старался ее успокоить, и приговаривалъ ласково: „Милый другъ, ты меня пугаешь!“

Мало по малу, когда первый восторгъ поутихъ, Джерти взглянула на отца и сквозь слезы, блеснула радостная улыбка: они оба молчали, а сколько было тутъ безмолвнаго, душевнаго краснорѣчія, которое нельзя передать никакимъ языкомъ земнымъ! Надо было идти домой. Анори накинулъ на плеча Джер-

ти свой собственный плащъ, потому что было уже и свѣжо и поздно, и велъ ее подъ руку. Какъ имъ было отрадно и хорошо! Бѣдный Анори, послѣ столькихъ лѣтъ странствованій по далекимъ землямъ, послѣ жизни между людьми чужими и къ нему равнодушными, чувствовалъ съ бо̀льшей еще силой, что его сердце не очерствѣло, не одеревенѣло, что оно полно любви самой пылкой, самоотверженной.

Вглядываясь прямо въ глаза Джерти, онъ у нея спросилъ самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Такъ ты будешь любить меня?

— Какъ *будешь*? Я люблю, люблю васъ и теперь больше всѣхъ на свѣтѣ! отвѣчала она, бросившись обнимать и цѣловать отца.

При этихъ словахъ, онъ, твердый человѣкъ, закаленый полуденнымъ солнцемъ и всѣми невзгодами жизни, закрылъ лицо руками, и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Теперь моя очередь васъ успокоивать, говорила Джерти, покрывая поцѣлуями его голову... и взявъ его крѣпко за руку, сказала твердо и почти повелительно:

— Пойдемте со мной!

— Куда? спросилъ онъ.

— Къ Емиліи.

Вмѣсто того, чтобы идти, Анори остановился какъ вкопаный и, покачавъ головой, отвѣчалъ унылымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Джерти, нѣтъ—никогда не посмѣю.

— Но она васъ ждетъ; и она плачетъ и тоскуетъ, умоляя Бога, чтобы Онъ возвратилъ васъ ея неизмѣнному сердцу...

— Емилія! это быть не можетъ, ты не знаешь что говоришь, дитя мое!

— Увѣряю васъ... вѣрьте же словамъ моимъ. Ей сказали, что васъ нѣтъ давно въ живыхъ и она покорилась. Но услыхавъ голосъ вашъ на пароходѣ, она съ тѣхъ поръ не имѣетъ дня покоя, я видѣла ея положеніе, я его предугадывала, но не смѣла разъяснить его. Теперь ей все извѣстно, пойдемте, она сама вамъ скажетъ, какое горестное недоумѣніе отравило жизнь вамъ обоимъ... пойдемте, пойдемте скорѣе.

Емилія слышала сверху, какъ Вильямъ Суливанъ передъ ужиномъ прощался съ Джерти на лѣстницѣ, и потому, когда сошла въ низъ, то замѣтивъ отсутствіе своей подруги, предположила, что ея задерживаетъ что нибудь другое, и про нее не спрашивала. Послѣ ужина г. Грегамъ отправился къ себѣ, а Емилія, въ уединеніи и тишинѣ ее окружающей, предавалась своимъ размышленіямъ. Ее согрѣвалъ пылающій огонь большаго камина, освѣщая обширную комнату.

Наша милая слѣпая, ярко освѣщенная огнемъ, сидѣла въ креслахъ, и по свѣтлому ея платью ложились розовые оттѣнки пламени, которые придавали даже и ея блѣдному личику необычную живость и красоту. Она перебирала въ задумчивости широкій поясъ, которымъ было перехвачено широкое ея платье. Большая пунцовая шаль, перекинутая черезъ спинку креселъ, какъ будто окаймляла, если можно такъ выразиться, свѣтлое изображеніе Емиліи. Глядя со стороны, никто-бы и не подумалъ, что она слѣпая, глаза ея были опущены къ камину, и по выраженію лица казалось, что ея живое воображеніе рисовало передъ нею картины еще болѣе живыя и чарующія, чѣмъ горящій въ каминѣ каменный уголь. Душа ея находилась въ сильно возбужденномъ состояніи.

Китти Примъ заглянула въ комнату, она искала няню Еллисъ, и уходя невольно воскликнула, говоря сама съ собой: „Господи Іисусе! хоть бы ея глаза прозрѣли только на сегодня, чтобы себя видѣть: она сидитъ, ну точно картина!“

На дворѣ залаяла сторожевая собака. Емилія стала прислушиваться, въ прихожей раздались чьи-то шаги. Прежде чѣмъ дверь открылась, Емилія встала;—она была блѣдна какъ полотно, съ крѣпко сжатыми руками: она ждала и еле дышала.

Вошли Анори и Джерти. Джерти въ первую же минуту поняла, что они узнали

другъ друга, и изъ скромности, чтобы не мѣшать этому свиданію, послѣ двадцати лѣтъ разлуки, убѣжала въ свою комнату.

Емилія протянувъ обѣ руки, проговорила шепотомъ:

— Филипъ, ты ли это?

Анори упалъ передъ нею на колѣна и покрывая поцѣлуями изхудалыя ея руки, отвѣчалъ прерывающимся отъ избытка чувствъ голосомъ:

— Я, я самъ.

— Велики дѣла Божіи! Могила отдала мнѣ свою жертву! Филипъ, какое милосердіе Божіе, что ты воротился, — говорила она трепетнымъ голосомъ, и обнимала дружески друга дѣтства съ увлеченіемъ, искренно, съ воскресшимъ чувствомъ радости и восторга: Филипъ, милый Филипъ, не во снѣ ли все это? Какими судьбами ты со мной?

Емилія, по причинѣ своей слѣпоты, такъ была отдалена отъ общества и принятыхъ имъ условій и приличій, что сохранила неизмѣнно всю дѣтскую свою простоту, всю прелесть и горячность юношескихъ воспоминаній, которыя составляли основу ея жизни. Она жила однимъ прошедшимъ, для нея не было новыхъ впечатлѣній, заслоняющихъ собою прежнія. Она видѣла передъ собой Филипа, молодаго, стройнаго, прекраснаго. Она видѣла въ немъ юнаго друга и товарища своихъ счастливыхъ дней, ей и въ мысль не приходило, что онъ былъ совсѣмъ почти сѣдой старикъ, худой и блѣдный, изнуренный волненіями и неудачами жизни.

Филипъ, напротивъ, смотрѣлъ на нея съ благоговѣніемъ; ему казалось, что лучезарное сіяніе окружаетъ это блѣдное лицо, дышащее радостію и восторгомъ. Ему казалось, что это свиданіе было какое-то неземное, что Емилія являлась передъ нимъ еще чище, еще безпорочнѣе прежняго, и въ радости обоихъ было что-то выше земной радости, что-то ближе къ Богу-Подателю ихъ блаженства.

Начались разспросы, разсказы, и жизнь житейская, обыденная прикоснулась снова къ тому, что они чувствовали. Но сколько и тутъ было восторженнаго и отраднаго. Емилія плакала, благодаря Бога, что на ея долю выпалъ счастливый жребій пріютить и воспитать дочь Филипа.

— Если бы это было возможно, я теперь полюбила бы Джерти еще больше прежняго. Повѣрь мнѣ, милый Филипъ, я, по безсознательному предчувствію, любила ее съ самыхъ первыхъ дней, какъ существо тебѣ близкое и дорогое.

Послѣ главныхъ подробностей, Филипъ спросилъ:

— Емилія, неужели вы меня простили?

— Въ чемъ? Скажи, ради Бога.

— Развѣ не я несчастный отнялъ у васъ свѣтъ Божій.

— Не уже ли ты думалъ, что я могла на тебя сердиться? даже и въ первые дни моего горя... говорила Емилія, съ упрекомъ.

— Въ минуты первыхъ страданій, продолжала она, я не помню, что говорила — или вѣрнѣе сказать, что кричала, но могу побожиться тебѣ, Филипъ, что въ душѣ моей не было злобы на тебя ни одну минуту... но что объ этомъ и вспоминать: убѣдись, мой другъ, что во всемъ воля Божія и Его милосердіе.

— Какъ, Его милосердіе? воскликнулъ Анори съ отчаяніемъ, гдѣ же это милосердіе? взгляните только на вашу жизнь и на мою? За что я причиной, а вы жертвой, ужасной, но невольной ошибки? За что такое жестокое наказаніе и на васъ и на меня?

— Не думай, чтобы моя слѣпота была наказаніемъ; я давно, давно уже этого не чувствую. Повѣрь, мой другъ, только въ ночной темнотѣ видимъ мы всю прелесть звѣзднаго неба. Земныя скорби возводятъ насъ ближе къ Богу, къ небесному нашему отечеству. А когда жизнь проходитъ въ радостяхъ и наслажденіяхъ, какъ легко мы забываемся! Покуда глаза мои могли видѣть всѣ прелести

окружающей меня природы, какъ я была слѣпа къ милосердію Божію, какъ мало я чувствовала благодарности; я никогда не благодарила Его за все, чѣмъ такъ щедро пользовалась, я жила беззаботно, и блаженно, и не думала даже, за что все это мнѣ дается? Я даже не думала, что есть люди бѣдные, страждущіе, голодные; въ моемъ гордомъ эгоизмѣ мнѣ казалось, что я пользуюсь поправу всѣмъ тѣмъ, что мнѣ Богъ давалъ по его единой милости; вотъ причина, по которой Отецъ нашъ небесный, по благости своей, остановилъ меня во время. Другъ мой, Филипъ, вѣрь словамъ моимъ, я говорю передъ тобой—какъ передъ Богомъ—я искренна передъ тобой, какъ передъ Нимъ! Тяжело было первое время моего несчастія, но изъ темной могилы, поглотившей всѣ мои земныя радости и надежды, возрастали невидимыя для земныхъ глазъ радости и надежды еще чище, еще свѣтлѣе и лучезарнѣе; онѣ мнѣ говорили о Богѣ, о жизни вѣчной, и вмѣстѣ съ тѣмъ я разумнѣе стала любить самую жизнь земную, я почувствовала, что она насъ должна исправлять, совершенствовать, вести къ Богу. Какъ мнѣ не было горько и трудно, а двадцать лѣтъ прошли, какъ одинъ годъ, и я чувствую, что иду все легче и тверже. Не плачь же обо мнѣ, мой милый, не горюй! Поблагодаримъ Бога за все, что случилось, за то, что намъ пришлось свидѣться, вѣдь и это великая радость...

Емилія говорила горячо, восторженно, на лицѣ ея ясно отражалось состояніе души безсмертной и умиротворенной, высокое настроеніе которой сильно подѣйствовало на Анори. Его будто свѣтомъ озаряли безцвѣтные глаза истинной христіанки, онъ не сводилъ съ нихъ своихъ глазъ, не смѣя выговорить ни слова. Вдругъ отворилась дверь и вошелъ г. Грегамъ.

Шаги его издали прервали разговоръ нашихъ друзей. Оживленная Емилія вдругъ поблѣднѣла, Филипъ всталъ и остановился противъ своего вотчима.

Хозяинъ дома былъ смущенъ, поглядывая на дочь, онъ какъ будто желалъ, чтобы она вывела его изъ затрудненія. Всѣ молчали.

— Филипъ Анори? Ты ли это? спросилъ онъ наконецъ взволнованнымъ голосомъ.

— Конечно онъ — нашъ Филипъ... отвѣчала быстро Емилія, схвативъ отца за руку. Мало ли мы его оплакивали? а вотъ онъ живъ и невредимъ.

Грегамъ, упираясь на плечо дочери, подошелъ къ Филипу, который стоялъ передъ нимъ мрачный и смущенный, съ сложенными руками. Старикъ еле подвигался, такъ дрожали его ноги и тряслись руки.

— Емилія, спросилъ онъ, сказала ли ты ему, какъ я передъ нимъ виноватъ? Сказала ли, что все объяснилось... но поздно, черезъ годъ... не я тому причиной...

— Вы меня обезчестили... и обезчестили невинно.

— Я былъ самъ введенъ въ заблужденіе—позабудемъ все это, протянемъ другъ другу руку. Простимъ другъ другу, Филипъ—и мы и ты много выстрадали... простимъ... говорилъ Грегамъ прерывающимся голосомъ, протягивая свою дрожащую руку Филипу; тотъ пожалъ ее, но не въ силахъ былъ превозмочь себя и былъ сдержанъ и даже холоденъ.

Потомъ старикъ сталъ разспрашивать Анори о всѣхъ подробностяхъ его жизни, съ такимъ непритворнымъ участіемъ, что въ каждомъ его словѣ видно было какъ, послѣ двадцатилѣтнихъ упрековъ своей совѣсти, перемѣнились его чувства къ пасынку.

Изо всѣхъ подробностей и столь странныхъ обстоятельствъ всей жизни Анори, самое поразительное, самое необыкновенное для Грегама было то, что подъ его крышей пріютилась единственная дочь Филипа, милымъ присутствіемъ которой оживилась и дружественно украсилась ихъ семейная жизнь.

Уходя въ свой кабинетъ, старикъ не переставалъ повторять: „Какъ все это удивительно! какъ непостижимо.“

Черезъ нѣсколько минутъ дверь потихоньку снова отворилась и робкимъ шагомъ вошла Джерти. Анори ее встрѣтилъ, подвелъ къ стоящей у камина Емиліи, и обнявъ обѣихъ, залился слезами.

— Филипъ, уже ли и теперь ты сомнѣваешься въ милосердіи Божіемъ? сказала Емилія.

— Я благодарю Бога, благодарю изъ глубины души, научите меня только, какъ заслужить блаженныя эти минуты?

Было давно за полночь, а никому и мысли о томъ не приходило. Анори наконецъ всталъ, чувствуя, что пора всѣмъ отдохнуть и успокоиться...

— Куда ты идешь? спросила Емилія. Развѣ нашъ домъ не твой домъ? Развѣ наша семья не твоя семья?

Но онъ твердо и рѣшительно отговаривался.

— Филипъ, ты въ душѣ твоей не простилъ отцу моему,—сказала Емилія, угадывая всѣ его чувства и мысли.

Онъ опустилъ голову и глубоко вздохнулъ.

— Но это придетъ, продолжала она ласково и нѣжно... ты простишь... ты все забудешь...

— Со временемъ... со временемъ, отвѣчалъ тотъ откровенно и прямо.

Когда онъ вышелъ—Джерти его проводила и выбѣжавъ на подъѣздъ, при лунномъ свѣтѣ, долго смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ изчезъ изъ вида. Воротясь въ комнату, она не успѣла еще закрыть за собой двери, какъ воскликнула: „каковъ день!“ но тутъ же остановилась, замѣтивъ, что Емилія стояла на колѣняхъ противъ окна и молилась. Джерти стала на колѣни съ ней рядомъ, и обѣ, счастливыя, какъ рѣдко въ жизни случается быть людямъ, послѣ столькихъ горькихъ испытаній, онѣ молились, благодаря Бога за все, что вынесли, но и за все радостное, которое имъ посылалось въ этотъ блаженный день.

(*Окончаніе будетъ.*)

ОБЩАЯ ЗАРАЗА

или

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТЪ.

КОМЕДІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

ПЕТЯ 14 лѣтъ } Ходулины.
САША 13 лѣтъ }
КОЛЯ 15 лѣтъ.
КАТЯ 14 лѣтъ.
МАША 12 лѣтъ.
МИТЯ 13 лѣтъ, сынъ скульптора.
ЛАКЕЙ.

Театръ представляетъ комнату на дачѣ, въ глубинѣ противъ сцены дверь въ садъ, другая дверь въ комнаты съ лѣвой стороны, на правой сторонѣ окно, около него комодъ съ ящиками, на комодѣ зеркало; на столѣ глобусъ, лексиконъ и другія книги и альбомы, у стола кресла и стулья.

Явленіе I.

САША, *одна.*

Какой счастливый день! Сегодня у насъ тройныя имянины: моей мамы Александры Даниловны, дочери ея Александры—то есть мои и брата Пети; сегодня же, 18 мая, назначенъ розыгрышъ лотереи, вѣдь пришлось же въ одинъ день! Папа вѣроятно зналъ это и тому двѣ недѣли подарилъ намъ дѣтямъ и мамѣ по одному рублевому билету. Мы конечно выиграемъ; если и не на всѣ три билета, такъ на два, а если на одинъ—то нѣсколько сторублевыхъ билетовъ. Вѣдь это все равно, — намъ опять раздѣлятъ ихъ; папа такъ обѣщалъ (*входитъ Катя изъ саду*).

Явленіе II.

САША и КАТЯ (*съ шарфикомъ на головѣ*).

САША.

А! Катя! (*обнимаются*).

КАТЯ.

Я первая пришла тебя поздравить.

САША.

Какая ты милая! Оставайся у меня.

Катя.

Пожалуй, съ удовольствіемъ (*снимаетъ шарфикъ и поправляется у зеркала*).

Саша.

Вотъ умница (*цѣлуетъ ее*). Я пошлю сказать вашимъ, что ты у меня осталась.

Катя.

Хорошо. А гдѣ же твой братъ Петя?

Саша.

Онъ еще не пріѣхалъ изъ города, но долженъ скоро быть. Папа просилъ, чтобы его уволили изъ пансіона на сегодняшній вечеръ.

Катя.

Отчего же только на вечеръ, а не на цѣлый день?

Саша.

Онъ худо сдалъ экзаменъ, не перешолъ въ третій классъ.

Катя.

Какъ такъ? Вѣдь онъ отлично учился, получалъ постоянно полные балы...

Саша.

Вотъ поди же! а на экзаменѣ былъ разсѣянъ, сбивался. Мнѣ кажется, я знаю причину.

Катя.

У васъ будутъ гости?

Саша.

Да, кое-кто. Ты знаешь, мама также имянинница сегодня, у ней будутъ свои гости въ гостиной, а дѣти всѣ сюда, и здѣсьто намъ дается полная воля забавлять нашихъ гостей. Ты у насъ въ первый разъ на имянинахъ, увидишь, какъ будетъ весело. Мы играемъ въ разныя игры, прыгаемъ, танцуемъ, бѣгаемъ по комнатѣ и по саду—однимъ словомъ, дѣлаемъ, что хотимъ: съ условіемъ, сказала мама, не ушибаться и не ссориться. За ушибы ручаться не могу; а что касается до ссоры, то буду стараться, чтобы ее не было. Надо, чтобы мы всѣ были дружны (*входитъ Петя*).

Явленіе III.

Тѣже и Петя.

Саша.

Здравствуй, Петя! Я боялась, что тебя не отпустятъ.

Петя (*цѣлуетъ сестру*).

Поздравляю тебя и прошу принять эту бездѣлушку (*отдаетъ ей коробочку*). Я самъ ёе склеилъ.

Саша (*хладнокровно*).

Благодарю тебя, но только не знаю, что положить въ нее.

Катя.

Покажите (*беретъ коробочку и разсматриваетъ ее*).

Саша (*Петѣ*).

Я тоже тебѣ приготовила, Петя, вотъ эту закладку въ книгу.

Петя (*равнодушно*).

Мегсі... Только я боюсь, что скоро потеряю ее.

Катя (*кладетъ на столъ коробочку*).

Очень чисто и красиво сдѣлана, въ ней можно держать шпильки. Позвольте посмотрѣть закладочку.

Саша.

Не стоитъ, ангелъ мой, это такіе пустяки. Вотъ, когда я выиграю въ лотерею, я куплю тебѣ, Петя, верховую лошадку, маленькаго пони.

Петя (*съ восторгомъ*).

Такую, какъ у Фрица?

Саша.

Получше еще. У лошади Фрица мнѣ не нравится голова.

Петя.

А если я выиграю на мой номеръ нѣсколько пятипроцентныхъ билетовъ, и на нихъ, впослѣдствіи, десятки тысячъ рублей — то подарю тебѣ маленькую лошадку и кабріолетъ, а къ зимѣ небольшія саночки, такъ, чтобы ты могла сама править. Не правда ли, это будетъ мило?

Саша (*съ восторгомъ*).

Прелестно!

Катя.

Вы думаете, что Сашу будутъ отпускать кататься одну?

Петя.

Ну, можно купить двумѣстный экипажъ, чтобы и мама могла помѣститься (*входитъ Коля Пытневъ изъ саду*).

Явленіе IV.

Тѣ же и Коля Пытневъ.

Коля.

Здравствуйте (*беретъ руки Пети и Саши.*)

Саша (*показывая на Катю*).

Вы знаете Катеньку Пѣшину?

Коля (*кланяется Катѣ*).

Какъ же. (*Петѣ*) О чемъ вы тутъ разсуждали?

Петя.

Коля, есть у тебя лотерейный билетъ? сегодня разыгрывается лотерея.

Коля.

Знаю, только у меня нѣтъ билета.

Саша.

Я удивляюсь! Неужели у васъ никогда не было своего рубля?

Коля.

Какъ-же! Мнѣ дядя подарилъ рубль, именно для того, чтобы я взялъ билетъ на лотерею.

Саша.

И вы не успѣли взять билета? теперь уже поздно, сегодня разыгрываютъ.

Коля (*равнодушно*).

Я не жалѣю, что не взялъ билета.

Петя.

Тебѣ жаль было разстаться съ деньгами?

Коля.

Нисколько. Я давно истратилъ мой рубль.

Петя.

Вѣрно, у тебя не было терпѣнья ждать розыгрыша, оттого ты и не взялъ билета.

Саша (*Колѣ*).

Интересно знать, куда же вы истратили свой рубль?

Коля.

Я купилъ себѣ лупу. Теперь настаетъ лѣто; я очень люблю разсматривать разныхъ насѣкомыхъ и части растеній; купить себѣ настоящій микроскопъ я не могу, денегъ не хватаетъ, а лупа стоитъ ровно 1 рубль (*входитъ Маша*).

Явленіе V.

Тѣже и Маша Красилова.

Саша (*съ крикомъ*).

Маша! душечка моя, (*цѣлуетъ ее*) съ кѣмъ ты пришла?

Маша.

Съ мамой, она пошла въ гостиную, а меня провели сюда къ вамъ. А! Катя! (*цѣлуются*; *Маша кланяется мальчикамъ, затѣмъ, протянувъ руку Петѣ:*) Bon soir, Pierre; поздравляю, вы имянинникъ; Саша, и тебя также!

Петя (*стоявшій до того въ задумчивости*).

Благодарю.

Маша.

Онъ не видѣлъ, какъ я вошла; какой задумчивый, ужь не проигралъ ли онъ въ лотерею?

Саша.

Нѣтъ, еще ничего не извѣстно.

Коля.

Табличка выигрышныхъ номеровъ будетъ напечатана не раньше, какъ завтра.

Петя.

Не безпокойтесь, мы узнаемъ сегодня же. У насъ есть человѣчекъ, который сидитъ въ залѣ, гдѣ разыгрываютъ, слушаетъ и записываетъ. Отецъ просилъ его пріѣхать къ намъ сегодня и мы ждемъ его съ нетерпѣніемъ; я объ этомъ думалъ, когда вы вошли (*входитъ Митя*).

Явленіе VI.

Тѣже и Митя (*держитъ въ рукахъ гипсовую лошадь*).

(*Дѣти съ крикомъ: А! Митя! Мальчики тре-*

плютъ его по плечу, потому что руки его заняты).

Митя.

Тише, тише, господа, я уроню лошадь.

Петя.

Это что такое? зачѣмъ?

Митя.

Это, какъ видишь, гипсовая лошадь; я взялъ ее изъ мастерской моего отца, разумѣется, съ его позволенія, и принесъ тебѣ въ подарокъ.

Петя (*хладнокровно*).

Оченъ благодаренъ; но скажу тебѣ откровенно, что ты напрасно безпокоился; на что она мнѣ, твоя гипсовая игрушка, когда у меня будетъ, можетъ быть, живая маленькая лошадка, на которой я буду кататься по улицамъ и по паркамъ? Не такъ ли, сестра?

Саша (*гордо выпрямясь*).

Еще бы! Если я что обѣщала, то непремѣнно сдѣлаю. Я умѣю сдерживать свое слово (*между тѣмъ дѣти разсматриваютъ лошадь и передаютъ ее другъ другу*).

Митя (*Петѣ*).

Поздравляю! Вотъ какъ ты разбогатѣлъ! ужь не выигралъ ли въ лотерею?

Петя.

Нѣтъ еще, скоро узнаемъ; но теперь подобныя бездѣлушки, какъ твоя гипсовая лошадка, не могутъ меня забавлять.

Саша (*дѣвочкамъ*).

Что смотрѣть на игрушку, вѣдь мы не шестилѣтнія (*беретъ лошадь и ставитъ ее на комодъ*). Пойдемте лучше въ садъ (*дѣвочки уходятъ*).

Явленіе VII.

Тѣже, кромѣ дѣвочекъ.

Коля (*беретъ лошадь и смотритъ на нее*).

Знаешь ли, Петя, что я тебѣ скажу. Эта лошадка можетъ служить тебѣ моделью для рисованья.

Петя.

Да, прежде я любилъ рисовать.

Митя.

И отецъ мой сказалъ тоже: „пожалуй, если хочешь, Митя, снеси ее Ходулину, онъ будетъ съ нея копировать; у него талантъ, скажи, что это будетъ ему полезно.“

Петя (*съ досадой*).

Я говорю вамъ, что прежде я любилъ рисовать и хотѣлъ совершенствовать свой талантъ, но теперь у меня въ головѣ не то. Можетъ быть, современемъ я буду заниматься живописью или скульптурой какъ диллетантъ, отъ скуки, но теперь у меня рѣшительно прошла охота.

Коля.

Давно ли это?

Петя.

Да тому двѣ недѣли,—съ тѣхъ поръ, какъ отецъ подарилъ мнѣ билетъ на лотерею. Я, то и дѣло, строю планы, какъ я буду жить, когда выиграю, но не сегодняшніе только пятипроцентные, а на нихъ еще двѣсти или семьдесятъ пять тысячъ.

Митя.

Какіе же твои планы, скажи намъ?

Петя.

Во первыхъ: отбросить все, на что нужно стараніе, трудъ и прилежаніе.

Митя.

Чтожъ ты будешь дѣлать?

Петя.

Какъ, что?!— веселиться, веселиться и веселиться, и исполнять всѣ свои желанія.

Коля.

Что же ты называешь веселиться, и что по твоему значитъ удовольствіе? — Я нахожу удовольствіе въ чтеніи, въ наблюденіи надъ природой, въ играхъ съ товарищами, въ прогулкахъ; а ты какъ?

Петя.

Прежде я тоже любилъ это, да и теперь люблю, но на столько, на сколько оно достается безъ труда. Я прежде ночи просиживалъ надъ книгами, а теперь я съ нетер-

*

пѣніемъ жду, какъ бы скорѣе лечь въ постель, чтобы мечтать о будущихъ удовольствіяхъ. Встаю по утру, тѣже мысли въ головѣ. Учиться я сталъ скверно, въ третій классъ не перешелъ, папа сдѣлалъ мнѣ выговоръ, я и самъ не радъ, что всѣхъ огорчаю, но какъ же быть? (*во время этого монолога, Коля беретъ на комодѣ книгу и перелистываетъ ее*).

Митя.

А все лотерея виновата!

Петя.

Это правда, я задумываюсь о ней и не слышу, что говорятъ учителя. Самъ не знаю, что дѣлается со мной: теряю мои вещи, не помню куда что кладу.

Митя.

А что будетъ тогда, когда ты выиграешь?

Петя.

Тогда у меня будетъ камердинеръ, его дѣло убирать мои вещи и подавать мнѣ. Я буду спать до 12-ти часовъ; напившись чаю или кофею и выкуривъ нѣсколько папиросъ, пойду гулять пѣшкомъ, между тѣмъ мнѣ закладываютъ коляску или сани; прихожу назадъ и сажусь въ экипажъ, ѣду въ кондитерскую, велю подать себѣ шоколаду, пирожковъ и конфектъ. Пріѣзжаю домой — у подъѣзда стоитъ верховая лошадь, конюхъ держитъ ее; я изъ коляски прыгаю на лошадь и скачу зимой—на Невскій или на Англійскую набережную, а лѣтомъ—на острова. Потомъ завтракаю, до обѣда принимаю друзей; мы разговариваемъ, шутимъ, смѣемся совершенно какъ большіе. Послѣ обѣда опять папиросы и до 7 часовъ я дремлю въ креслахъ, въ 7 часовъ въ театръ; вечеръ же провожу съ веселыми друзьями. Кажется, такъ проводятъ время всѣ богатые люди?

Коля.

Тьфу какая пустая жизнь — пить, ѣсть, гулять и спать!

Митя.

Тебѣ надоѣстъ такая жизнь, все одно и тоже?

Петя (*посматривая съ неудовольствіемъ на Колю, отвѣчаетъ Митѣ*).

Не думаю, впрочемъ попробую. Можетъ, сначала и поскучаю немного, а потомъ привыкну. Что ты тамъ читаешь, Коля?

Коля.

Я не читаю, только перелистываю лексиконъ; онъ порядочно растрепанъ.

Петя (*вспыльчиво*).

Ну его! на что онъ мнѣ теперь (*вырываетъ у Коли книгу и бросаетъ ее за окно*).

Митя.

Зачѣмъ ты бросилъ, лучше бы мнѣ подарилъ, мнѣ нуженъ лексиконъ!

Петя.

Если нужно, я куплю тебѣ новый.

Митя.

Я лучше возьму этотъ, это будетъ вѣрнѣе. (*Бѣжитъ на улицу и приноситъ книгу, которую кладетъ въ уголъ на стулъ*).

(*Входятъ дѣвицы*).

Явленіе VIII.

Тѣже и три дѣвочки.

Митя.

Что-же вы не долго гуляли? а я только что хотѣлъ къ вамъ идти.

Катя (*жмется*).

Холодно, мы озябли.

Маша.

Будемте играть, чтобы согрѣться.

Саша.

Хотите въ веревочку? (*достаетъ шнурокъ изъ туалетнаго ящичка*).

Маша.

Бить по рукамъ... вотъ славно, скорѣе руки согрѣются!

Саша.

Господа! прошу становиться въ кружокъ.

Петя.

Меня увольте, я сяду здѣсь и буду мечтать. (*садится въ кресло*).

Коля.

Этого нельзя; скорѣе я не буду играть, я старше васъ всѣхъ, мнѣ не подъ-лѣта играть съ вами.

Катя.

Что же это будетъ? насъ и то немного, а еще двое отказываются.

Коля (*поднимая Петю*).

Пойдемъ, Петя, поиграемъ немножко (*становятся въ кружокъ съ другими дѣтьми.*)

Маша.

Я начну (*идетъ на середину кружка, хочетъ хлопнуть, но два раза даетъ промахъ, наконецъ попадаетъ по рукѣ Пети, который задумался*). Вотъ вамъ!

(*Петя становится въ средину и послѣ двухъ, трехъ промаховъ бьетъ по рукѣ Катю, Катя послѣ одного промаха ударяетъ опять по Петиной рукѣ*).

Петя.

Что это? опять мнѣ, другой разъ! я говорю, что не могу играть (*становится въ средину*). Я добьюсь же, что Митю или Колю поставлю въ середину (*и послѣ нѣсколькихъ промаховъ бьетъ Митю*). А, попалъ, наконецъ!

Митя (*давъ въ средину съ перваго же разу бьетъ Петю*).

Плата тою же монетою! (*всѣ смѣются*).

Петя.

Третій разъ! нѣтъ господа, не хочу играть.

Катя.

Зачѣмъ же вы задумываетесь!

Петя.

Пойдемте лучше въ садъ.

Маша.

Нѣтъ, въ саду холодно.

Катя.

Мы уже достаточно назябли.

Петя.

А вы, друзья, хотите бѣгать въ саду?

Митя.

Не худо, пойдемте.

Коля.

Пожалуй, пойдемте (*мальчики уходятъ*).

Явленіе IX.

Тѣ же, кромѣ мальчиковъ.

Катя.

Саша, сыграй намъ что нибудь на фортепіано.

Саша.

Я ничего не знаю; теперь я совсѣмъ не занимаюсь музыкой.

Катя.

Тому три недѣли, на имянинахъ моего отца, ты такъ мило играла, что всѣ гости удивлялись твоему таланту.

Саша.

Да, прежде я много играла, бывало, безъ отдыху играю два, три часа сряду, а теперь мнѣ музыка надоѣла.

Маша.

Возможно ли? Съ такимъ талантомъ, какъ у тебя, ты бросила музыку?!. Вѣдь ты уже прошла всю скуку и всѣ трудности первоначальныхъ гаммъ и этюдовъ. Теперь-то тебѣ и заниматься,— и весело и легко.

Саша.

Легко! Все же надобно разучивать, чтобы играть пьесу, какъ слѣдуетъ.

Катя.

Отчего же прежде разучиваніе не наскучало тебѣ?

Саша.

Тогда у меня была страсть къ музыкѣ, а теперь у меня другая страсть, новая — къ деньгамъ. Хочу быть богатой, больше мнѣ ничего не надо.

Маша.

Но вѣдь богатство придетъ къ тебѣ или нѣтъ, бабушка на двое сказала, а музыка въ твоихъ рукахъ.

Саша.

Я прежде сама такъ думала, но съ тѣхъ поръ, какъ у меня лотерейный билетъ, я чувствую, что совсѣмъ перемѣнилась, у меня и мысли, и желанія совсѣмъ другія. Папа и мама только и толкуютъ о счастіи выиграть;

ну и мы съ братомъ туда же. Они строятъ свои планы, а мы свои.

Катя.

Какіе же твои планы?

Саша.

Во первыхъ, буду спать по утру по крайней мѣрѣ до одиннадцати часовъ. Во вторыхъ, куплю себѣ отличные наряды, бархату, шелку, цвѣтовъ, перьевъ, брилліантовъ и буду лучше всѣхъ одѣта, даже спать буду съ ниткой жемчугу на шеѣ и съ браслетомъ на рукѣ. Моя спальная будетъ вся бѣлая тюлевая на розовомъ фонѣ, — около драпри на окнахъ, на кровати и около круглаго серебрянаго зеркальца будутъ кружева. Все это я придумываю, когда лежу въ постелѣ, даже ночью иногда вижу во снѣ, что я уже выиграла и все это себѣ накупила.

Маша.

Это великолѣпно, но я не промѣняла бы такія вещи на музыку, и не могу надивиться, что ты бросила ее.

Саша.

Что же тутъ удивительнаго? Сначала, когда мысль о лотереѣ забралась мнѣ въ голову, я перестала готовиться къ урокамъ музыки. Учительница, прежде всегда меня хвалила, а тутъ вдругъ сдѣлалась мною недовольна — что урокъ, то выговоръ: зачѣмъ мало упражняюсь; отъ этого я пуще возненавидѣла музыку, то есть не музыку, а ученье. Когда я буду богата, я буду ѣздить въ концерты, давать у себя музыкальные вечера, а сама не дотронусь до инструмента. Бѣда, если я не выиграю въ лотерею! Мнѣ страшно подумать, что придется снова вести прежнюю трудовую жизнь! Мнѣ кажется, я умру съ отчаянья (*мальчики вбѣгаютъ запыхавшись*).

Явленіе X.

Тѣ же и три мальчика.

Митя.

Уфъ! какъ я усталъ!

Коля.

Однако ты славно бѣгаешь, замучилъ меня.

Митя (*смѣется*).

А Петя-то (*хохочетъ*). Какой онъ сталъ неловкій, неповоротливый, упалъ и баста! не хочу бѣгать. (*Петѣ шутливо*) Бѣдный Петя! Я тебя не узнаю, а бывало ты бѣгалъ не хуже другихъ въ перегонку. Это все лотерея такъ состарила тебя (*треплетъ его по плечу*). Онъ и не слушаетъ меня; о чемъ изволите задумываться, 13-ти лѣтній старецъ?

Петя.

Скоро придетъ извѣстіе; меня мучитъ это ожиданіе. Что будетъ, если я не выиграю! — я пропалъ, совсѣмъ пропалъ! Не могу же я отказаться отъ моихъ плановъ? Если я проиграю, мнѣ кажется я съума сойду.

Саша.

Господа кавалеры, вы забыли, что здѣсь есть дѣвицы, будьте же любезны, займитесь съ нами.

Коля.

Съ большимъ удовольствіемъ!

Саша.

Хотите играть въ лото? (*вынимаетъ лото изъ комода*).

Коля (*Катѣ*).

Вы любите играть въ лото?

Катя.

Не очень, или лучше сказать я не буду играть, потому что у меня нѣтъ денегъ.

Коля (*Машѣ*).

А вы будете играть?

Маша.

Непремѣнно; мы прошлаго года тоже играли, я знала, что будутъ и сегодня играть, потому взяла съ собою полукопѣечекъ и полушекъ на двугривенный, — я думаю достаточно.

Саша.

Господа кавалеры, подвиньте столъ и поставьте кругомъ стулья (*Коля и Митя исполняютъ*). Садитесь же.

Коля.

M-lle Catherine не будетъ играть.

Петя (*не въ духѣ*)

Я также не буду играть, съ моею разсѣянностію я буду пропускать цифры, (*разгорячась*) и притомъ же лото старо, многіе номера и карты растеряны; дайте-ка мнѣ его, любезнѣйшая сестрица (*беретъ ящикъ съ лото и бросаетъ его за окно*).

Саша.

Что ты дѣлаешь?

Петя (*важно*).

Я куплю новое. Это никуда не годится.

Саша (*покачавъ головой*).

Нечего дѣлать. Мы будемъ играть въ домино (*достаетъ изъ туалета домино*).

Петя (*съ нетерпѣніемъ*).

Что это какъ долго нѣтъ извѣстій! (*увидѣвъ домино въ рукахъ у сестры, вырываетъ его у нея и тоже бросаетъ за окно*). И это туда же.

Саша.

Ты, кажется, начинаешь сходить съума! зачѣмъ ты все бросаешь за окно?

Петя (*вспыльчиво*).

Затѣмъ, чтобы подобныхъ игръ не было у насъ въ домѣ. Мнѣ все это ужасно надоѣло. Не повѣрите, какъ глупы и монотонны кажутся подобныя вещи, когда голова занята планами. Сиди тутъ, корпи, и жди, когда выиграешь три копѣйки и много, много, что гривенникъ (*насильно смѣется*); ну, не глупо ли?

Саша.

Какъ же мы будемъ играть?

Митя (*насмѣшливо*).

Постарайтесь найдти такую игру, чтобы можно было выиграть по крайней мѣрѣ сорокъ тысячъ, иначе всѣ игры будутъ глупы (*дѣти всѣ смѣются*).

Петя (*со злостью*).

Ты смѣешься надо мной, хорошо же! Вонъ, посмотри, кажется и лошадь твоя дразнитъ меня. Нѣтъ, этого я не позволю (*схватываетъ лошадь и хочетъ бросить ее за окно, но Коля останавливаетъ его руку и вырываетъ у него лошадь*).

Коля.

Помилосердуй, что ты дѣлаешь? ты не имѣешь права ее разбивать!

(*Въ это время Маша разсматриваетъ подарки: коробочку и закладочку, и перелистываетъ альбомы, а Катя разсматриваетъ глобусъ*).

Петя (*съ гнѣвомъ*).

Какъ не имѣю права? она мнѣ подарена!

Коля.

Ты отказался отъ нея.

Петя (*образумясь*).

Такъ зачѣмъ же она тутъ стоитъ?

Коля.

Отдай ее мнѣ, я заверну ее въ платокъ, ты не будешь ее видѣть.

Петя.

Пожалуй, возьми.

Коля (*Митѣ*).

Ты позволишь мнѣ взять ее, чтобы скопировать; я возвращу ее тебѣ.

Митя.

Вѣроятно моему отцу пріятно будетъ, что ты употребишь ее съ пользою. Ты имѣешь полное право удержать за собою лошадь, ты спасъ ее отъ разбитія (*Коля завертываетъ лошадь въ платокъ и ставитъ ее въ уголъ на стулъ*).

Катя.

Какая ты счастливица, Саша, что у тебя есть глобусъ!

Саша.

Если ты считаешь за счастіе имѣть глобусъ, возьми его себѣ.

Катя.

Если тебѣ онъ теперь не нуженъ, я возьму его на время къ себѣ.

Саша.

Хоть совсѣмъ. На что онъ мнѣ? Выиграю ли я, нѣтъ ли, во всякомъ случаѣ, я не могу и не буду болѣе учиться географіи. Мнѣ она опротивѣла.

Маша.

Прошлаго года, мы гораздо веселѣе проводили этотъ день.

Митя.

Тогда мы играли такъ дружно во всѣ игры, а сегодня ничто не клеится, а все лотерея виновата.

Маша.

Мы, я помню, танцовали.

Коля.

Зачѣмъ же дѣло стало, танцуйте, я буду играть на фортепіано. Что прикажете: французскую кадриль, польку или вальсъ?

Катя.

Сыграйте польку (*Коля играетъ польку*).

Митя (*подходитъ къ Сашѣ*).

Позвольте просить васъ (*дѣлаютъ два, три тура и Митя, посадивъ даму, приглашаетъ Катю, танцуетъ съ нею*).

Саша.

Только одна пара и танцуетъ, а имянинникъ что сидитъ? Петя, что же ты! (*Петя встаетъ не охотно со стула, на которомъ сидѣлъ задумавшись, подходитъ къ Машѣ, молча кланяется и начинаетъ полькировать, но въ разсѣянности зацѣпляетъ за стулъ, спотыкается, бросаетъ даму, которая съ крикомъ отскакиваетъ отъ него, и самъ чуть удерживается на ногахъ, ухватясь за стулъ; дѣти всѣ хохочутъ*).

Петя (*Машѣ*).

Извините меня, но больше виновата сестра Саша: зачѣмъ она заставила меня полькировать? у меня голова не тѣмъ занята.

Коля.

Въ самомъ дѣлѣ, чего жь вы хотите, когда весь умъ занятъ планами; гдѣ же тутъ взять ума для танцевъ? вѣдь для польки надо очень много ума (*дѣти всѣ хохочутъ*).

Петя (*весело*).

Смѣйтесь, смѣйтесь! а вотъ какъ я выиграю, я задамъ вамъ балъ на славу, съ отличнымъ угощеніемъ и полнымъ оркестромъ музыки, а теперь по Колиной игрѣ, право, нѣтъ охоты танцовать.

Саша (*съ воодушевленіемъ*).

Въ концѣ лѣта, Петя, когда вечера будутъ темнѣе, мы сдѣлаемъ балъ съ иллюминаціей и фейерверкомъ.

Петя (*также*).

Однимъ словомъ, дадимъ такой пиръ, что вы ахнете и остолбенѣете отъ восторга (*дѣти смѣются*).

Миша.

Однакоже въ ожиданіи этого великолѣпнаго бала, не худо бы протанцовать теперь французскую кадриль. (*Колѣ*) Можно васъ просить съиграть.

Коля.

Извольте; я и намѣревался играть; въ прошломъ году я тоже игралъ, тогда имянинникъ былъ мною доволенъ.

Петя.

Я и теперь очень тебѣ благодаренъ. Прости меня, ты видишь, я сегодня самъ не свой, а все лотерея виновата.

Митя (*подходя къ Сашѣ*).

Позвольте васъ просить

Саша.

Танцуйте съ гостями, я послѣ (*Митя подходитъ къ Машѣ и становится съ нею на мѣсто*).

Митя (*Петѣ*).

Ты будешь визави?

Петя.

Пожалуй, въ кадрили по крайней мѣрѣ не отвѣчаешь за даму; я право, самъ не радъ, что не могу занимать гостей (*ангажируетъ Катю, Коля играетъ, дѣти танцуютъ въ двѣ пары. Петя путаетъ, всѣ смѣются*).

Митя (*Петѣ*).

Петя, тебѣ... куда ты... не туда... переходи!

Петя (*Сашѣ*).

Саша, становись за кавалера, какъ хотите, я не могу танцовать (*садится въ кресло, Саша становится вмѣсто его, кадриль продолжается. Лакей приноситъ подносъ съ чашками чаю*).

Явленіе XI.

Тѣ же и лакей подноситъ дѣтямъ чай.

Петя (*лакею*).

Не пришелъ ли Павелъ Кондратьичъ?

Лакей.

Сейчасъ пришли.

Петя (*съ восторгомъ*).

Ахъ, какая радость! это съ извѣстіемъ объ лотереѣ! Извините меня, я побѣгу узнать. Не уходите, пожалуйста, порадуйтесь вмѣстѣ со мною, если я выигралъ.

Саша.

И я пойду, не сердитесь, что оставлю васъ на минуту.

Маша.

Идите, идите скорѣй!

Катя.

Не безпокойтесь о насъ (*Петя, Саша и лакей уходятъ*).

Явленіе XII.

Маша, Катя, Коля и Митя, пьютъ чай.

Митя.

Несносная лотерея! она испортила намъ сегодняшній вечеръ.

Маша.

Я не узнаю ихъ, они совсѣмъ перемѣнились; всегда такіе любезные, веселые, милые, а теперь! Петя хандритъ, сердится, у Саши какая-то принужденная, натянутая любезность.

Катя.

У нихъ на умѣ только одна лотерея, бѣда, если они не выиграютъ! Мнѣ страшно за нихъ!

Коля.

Отецъ мнѣ говорилъ, что состояніе, пріобрѣтенное собственнымъ трудомъ, хоть и небольшое, гораздо пріятнѣе этихъ огромныхъ богатствъ, которыя манятъ васъ издали, чаще для того, чтобы обмануть, а между тѣмъ дѣлаютъ васъ неспособными къ труду.

Катя.

У меня нѣтъ билета, да я и не желаю имѣть (*приходитъ лакей*).

Явленіе XIII.

Тѣ же и лакей, беретъ чашки.

Маша.

Что, не знаешь ли, выиграли ли билеты?

Лакей.

Никакъ нѣтъ-съ, не выиграли.

Дѣти (*съ ужасомъ*).

Неужели ни одинъ билетъ не выигралъ?

Лакей.

Вотъ какъ есть, всѣ три проиграли.

Митя (*съ огорченіемъ*).

Подѣломъ имъ; впередъ наука — не увлекайся!

Катя.

Мнѣ жаль ихъ!

Маша (*сквозь слезы*).

Бѣдные Саша и Петя!!

Коля.

А я радъ, потому что теперь они выбросятъ дурь изъ головы и примутся за дѣло. Скучаютъ они?

Лакей.

Маленькой баринъ и барышня плачутъ на пропалую, всѣ гости утѣшаютъ ихъ, они и слушать не хотятъ, такъ въ голосъ и ревутъ. Отецъ и мать обѣщаютъ имъ взять билеты на другую лотерею: теперь вѣдь пропасть этихъ лотерей, во всѣхъ магазинахъ по два и по три билета на окнѣ, одни снимаютъ, другіе наклеиваютъ.

Митя.

Чтожь?—утѣшило ли ихъ сколько нибудь это обѣщаніе?

Лакей.

Никакъ нѣтъ; вотъ, говорятъ, опять намъ ждать; эдакое, говорятъ, мученье, и опять, говорятъ, дудки,— ничего не будетъ. Глядя на нихъ, баринъ и барыня такіе горемычные, чуть сами не плачутъ. Вотъ вамъ имянины, словно похороны какія!

Катя.

Придутъ сюда дѣти?

Лакей.

Наврядъ ли. Имъ барыня говоритъ, какъ же вы оставили тамъ вашихъ гостей. Да ну ихъ! говорятъ, не пойдемъ мы къ нимъ. — Гости всѣ разъѣзжаются, я и забылъ сказать, которая здѣсь барышня Машенька Кра-

силова, ее маменька требуетъ, домой ѣхать хотятъ.

Маша.

Сейчасъ иду. Прощайте (*цьлуетъ Катю, кланяется мальчикамъ и убѣгаетъ въ боковую дверь, за нею лакей уноситъ чашки*).

Явленіе XIV и послѣднее.

Катя, Коля и Митя.

Коля.

Пойдемте лучше домой (*Катѣ*). Мы васъ проводимъ; вы, кажется, живете напротивъ, черезъ дорогу?

Катя.

Какъ же уйдти не простившись? Надо же попытаться ихъ утѣшить!

Митя.

Теперь вы ихъ ничѣмъ не утѣшите и не развеселите, а больше раздразните, имъ стыдно передъ нами, лучше придемъ завтра, когда они перегорюютъ свое первое горе.

Катя (*взявъ глобусъ*).

Мы не брали билетовъ, а очутились съ выигрышами. (*Колѣ, который беретъ лошадь*). Вы съ лошадью (*Митѣ, который беретъ лексиконъ*), вы съ лексикономъ, а я съ глобусомъ.

Коля.

Только я не знаю, брать ли намъ съ собой эти вещи, теперь ихъ обстоятельства перемѣнились, а съ ними вѣрно и образъ мыслей; можетъ быть, имъ будутъ нужны эти вещи?

Митя.

Пожалуйста, возьми, а то Петя придетъ сюда и пожалуй съ отчаянья хватитъ по лошади, спаси ее! Мы лучше воспользуемся на время этими подарками и возвратимъ ихъ, когда время сдѣлаетъ ихъ разумнѣе. (*Беретъ отъ Кати глобусъ*). Позвольте я снесу вамъ.

(*Катя, Коля и Митя уходятъ*).

Е. Клевецкая.

РѢКА МИССИССИПИ.

Миссиссипи, по индійски Missi-Sipi, т. е. „большая рѣка,“ принадлежитъ къ числу величайшихъ рѣкъ земнаго шара и составляетъ главнѣйшій путь сообщенія въ Сѣверной Америкѣ вообще и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ особенности. — Орошая своими водами до 9-ти отдѣльныхъ штатовъ, принимая въ себя до 200 притоковъ, болѣе или менѣе значительныхъ, Миссиссипи служитъ главнымъ средствомъ къ поддержанію торговыхъ сношеній между жителями Сѣверной Америки.

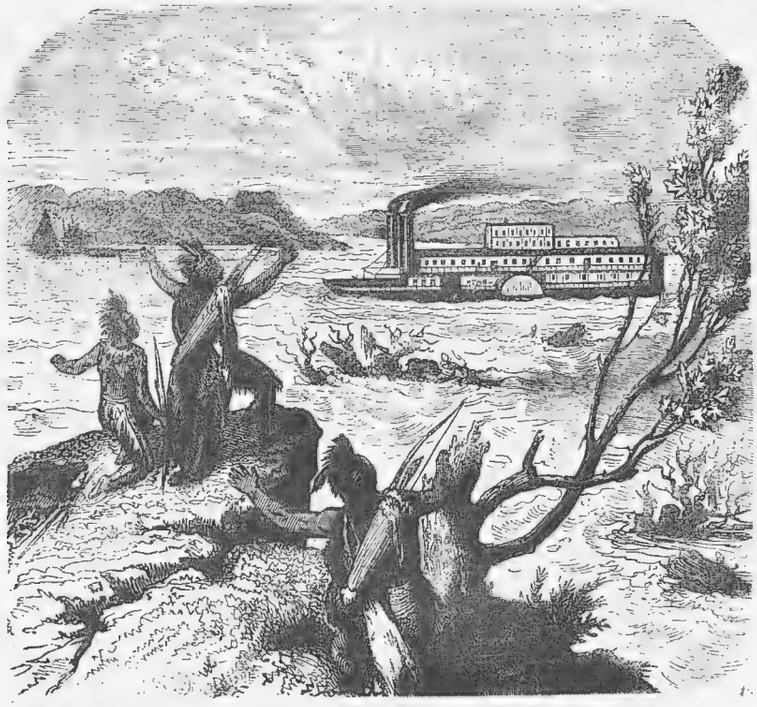
Устье Миссиссипи и нѣкоторыя изъ прилежащихъ къ ея берегамъ странъ, были извѣстны еще въ 1519 году, когда о переселеніи европейцевъ въ Америку и объ основаніи тамъ европейскихъ колоній не было и помину; истокъ же ея, находящійся на сѣверѣ Америки, въ странѣ называемой Минезота (Minesota), открытъ только въ 1832 году, англичаниномъ Скулькрафтъ (Schoolcraft). Истокомъ Миссиссипи служитъ небольшое озеро Итаска или Лабишь, находящееся въ гористой и лѣсистой мѣстности, возвышающейся болѣе чѣмъ на 1200 футъ надъ уровнемъ моря, и замѣчательное необыкновенной прозрачностью и чистотою своей воды, похожей на хрусталь.

Сначала Миссиссипи течетъ къ сѣверу, пересѣкая еще нѣсколько небольшихъ озеръ, потомъ къ востоку и образуетъ, послѣ болѣе чѣмъ 360-ти верстнаго теченія, первый водопадъ Пекагама; затѣмъ она направляется все къ югу, дѣлая различные извороты и пересѣкая одну изъ величайшихъ равнинъ въ мірѣ, и наконецъ впадаетъ, всею массою своихъ водъ, въ Мексиканскій заливъ, немного южнѣе г. Новаго-Орлеана. — Устье Миссиссипи имѣетъ видъ дельты, пересѣкаемой отдѣльными рукавами; протяженіе всего устья превышаетъ 3600 квадратныхъ верстъ, и все болѣе и болѣе расширяется по напра-

вленію къ морю, такъ какъ, по расчетамъ ученыхъ, воды Миссисипи приносятъ съ собой ежегодно въ море до 3 милліардовъ 703 милліоновъ кубическихъ футъ тины, песку и т. п. веществъ, засоряющихъ устье рѣки; такъ что въ настоящее время берегъ моря отодвинулся почти на версту отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ тому 25 лѣтъ.

Какъ мы выше сказали, Миссисипи принимаетъ въ себя до 200 притоковъ, которые, понятно, увеличиваютъ количество содержащейся въ ней воды, придаютъ ей чрезвычайно быстрое теченіе и распространяютъ ея бассейнъ далеко къ востоку и западу. Самый замѣчательный изъ этихъ притоковъ рѣка Миссури, о которой мы будемъ говорить ниже. Бассейнъ Миссисипи распространяется, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, на 360,000 квадратныхъ верстъ; самая же рѣка, по прямому направленію, отъ истока до устья, имѣетъ до 2100 верстъ, но вслѣдствіе безпрестанныхъ изгибовъ и поворотовъ, длина эта увеличивается до 4000 верстъ, т. е. почти вдвое.

Ширина Миссисипи нигдѣ не соотвѣтствуетъ ея протяженію; такъ напр. въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее Миссури, ширина ея доходитъ только до 4500 футъ. — За то глубина, съ самаго впаденія Миссури, идетъ все болѣе и болѣе увеличиваясь, достигая недалеко отъ Сенъ-Луи до 200 футъ, а близъ устья, у Новаго Орлеана, доходитъ до 300 ф. — При самомъ же впаденіи рѣки въ Мексиканскій заливъ глубина ея, вслѣдствіе наноснаго песку, уменьшается до того, что затрудняетъ движеніе судовъ, что въ свою очередь имѣетъ не малое вліяніе на неуспѣшный ходъ торговли всего ново-орлеанскаго штата.



Американскій пароходъ на р. Миссисипи.

Не смотря на то, что плаваніе по Миссисипи бываетъ затруднено песчаными выступами береговъ и сдвинутыми съ мѣста камнями, по ней двигаются болѣе тысячи паро-

ходовъ, служащихъ сообщеніемъ для всего прибрежнаго края.

Сѣверной Америкѣ принадлежитъ честь перваго примѣненія пара къ движенію судовъ.—До этого еще, а именно въ 1700-хъ годахъ, былъ сдѣланъ въ Англіи первый опытъ постройки паровaго судна, но онъ не удался, точно также какъ и послѣдующіе, дѣлаемые какъ во Франціи, такъ и въ Англіи. — Въ 1807 году, англичанинъ Фультонъ построилъ въ Америкѣ первый пароходъ, который совершилъ благополучно путешествіе отъ Нью-Іорка до Альбани. Какъ всякое новое изобрѣтеніе, примѣненіе пара къ движенію судовъ по водѣ было принято съ недовѣріемъ, въ особенности въ Европѣ, гдѣ недовѣріе это дошло до того, что изобрѣтателя новой силы сочли за сумасшедшаго. — Извѣстно, что императоръ французовъ Наполеонъ I, умѣвшій, между тѣмъ, силою своего генія, понимать то, что для другихъ было непонятно, — былъ такого же мнѣнія о Фультонѣ; до того непостижимымъ казалось ему это изобрѣтеніе.

Исторія съ паромъ напоминаетъ собой исторію открытія Америки, когда Кристоферъ Колумбъ, который первый открылъ эту новую страну свѣта, — былъ принятъ тоже за помѣшаннаго и на экспедицію его глядѣли какъ на дѣло совершенно потерянное. Колумбъ отвѣчалъ на насмѣшки недовѣрчивыхъ соотечественниковъ предложеніемъ поставить куриное яицо на столъ, острымъ концомъ внизъ, такъ чтобы оно не опрокинулось; никто не могъ исполнить этого, тогда онъ взялъ яицо, ударилъ тонкимъ концомъ его о столъ и такимъ образомъ поставилъ. „Дѣло просто,“ — прибавилъ онъ, — „а никто изъ васъ не догадался.“ Присутствующіе должны были согласиться съ нимъ. Фультонъ не билъ яица и поѣхалъ къ Американцамъ, которые приняли его радушно и не смѣялись надъ нимъ, а съ любопытствомъ слѣдили за выполненіемъ его открытія, ожидая съ нетерпѣніемъ результатовъ.

Въ то время Америка только-что начинала развиваться и потому не могла похвастаться своимъ внутреннимъ устройствомъ. Огромная по пространству, мало обработанная, покрытая непроходимыми лѣсами, пересѣкаемая множествомъ рѣкъ, — она тихо шла по пути развитія, образованности и внутренняго благосостоянія, не смотря на всѣ старанія американцевъ и поселившихся въ ней европейцевъ. Главной причиной этого былъ полный недостатокъ въ путяхъ сообщенія, безъ которыхъ чрезвычайно трудны сношенія одного города съ другимъ и жителей государства между собою. Не имѣя возможности привести эти пути сообщенія въ хорошее состояніе, ихъ устроить, американцы вмѣстѣ съ тѣмъ не могли приступить къ распространенію просвѣщенія между дикими народами, обитающими во множествѣ на берегахъ рѣкъ и въ дремучихъ лѣсахъ.

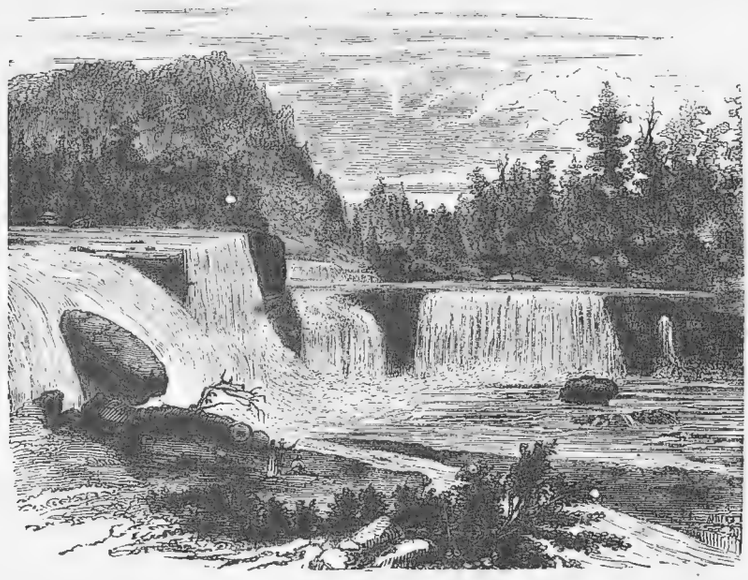
Изобрѣтеніе Фультона уничтожило это неудобство и дѣлало возможнымъ и удобнымъ сообщенія водою, по многочисленнымъ рѣкамъ. Отъ этого и выказали американцы такое сочувствіе къ этому изобрѣтенію, и какъ только первый пароходъ совершилъ путь между Нью-Іоркомъ и Альбани, со скоростью 4-хъ миль въ часъ, то тотчасъ же составились значительныя общества, которыя строили пароходы и устроивали правильныя и скорыя сообщенія между городами.

Событіе это имѣло громадную важность и значеніе для американской республики; оно уничтожило тѣ преграды, которыя просвѣщеніе, образованіе и развитіе торговли встрѣчали на своемъ пути; цѣлыя тысячи образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, большею частью переселившихся европейцевъ, отправились внизъ по различнымъ рѣкамъ, выселяясь на берегахъ, гдѣ находили лучшимъ и болѣе выгоднымъ для себя, и тутъ же приступали къ устройству сначала селеній, а потомъ и цѣлыхъ городовъ. Торжество цивилизаціи было окончательное: дикіе народы Америки, глядѣвшіе съ удивленіемъ и даже

съ нѣкоторымъ восторгомъ, похожимъ на восторгъ дѣтей, на движущіеся по водѣ дома европейцевъ (пароходы строились сначала въ видѣ цѣлаго дома), не предчувствовали скорое приближеніе конца своей независимости и не предугадывали, что они должны будутъ покориться тѣмъ самымъ, которые спустили эти дома на воду. Однако это покореніе настало скоро: незазисимость дикихъ народовъ покончилась и они поступили въ невольники къ плантаторамъ-европейцамъ; невольничество или рабство это продолжалось до нашего времени.

Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ и изгибовъ, Миссури снова возвращается въ Утесистыя горы и пересѣкаетъ ихъ съ удивительной стремительностью. Здѣсь-то находятся самые замѣчательные ея водопады, первые послѣ Ніагарскаго. Главный водопадъ имѣетъ до 28 верстъ протяженія и состоитъ изъ 27 отдѣльныхъ водопадовъ; на самомъ высокомъ вода падаетъ съ высоты въ 88 аршинъ, ширина же его простирается до 789 футъ.

Все это вмѣстѣ взятое представляетъ такое великолѣпное зрѣлище, что пройти его безъ вниманія невозможно, по этому едва ли найдется человѣкъ, путешествовавшій по Америкѣ, въ качествѣ туриста, который не побывалъ бы на Миссурійскихъ водопадахъ. — Тутъ является во всемъ своемъ значеніи вся сила творчества и чувствуется все могущество природы.



Водопадъ р. Миссури.

Миссури, какъ мы выше сказали, составляетъ одинъ изъ притоковъ Миссисипи; притокъ этотъ, самъ по себѣ, до того великъ, что можетъ быть смѣло причисленъ къ числу значительнѣйшихъ рѣкъ Сѣверной Америки. Миссури вытекаетъ изъ Утесистыхъ горъ съ высоты находящейся болѣе, чѣмъ на 5100 футъ надъ уровнемъ моря; истоки эти были открыты впервые въ 1805 году. Теченіе Миссури стремительное, кипучее, воды ея содержатъ въ себѣ много илу, отчего часто у береговъ встрѣчаются мели.

Авд. С—въ.

АНЬХЕНЪ.

Разсказъ.

(Съ нѣмецкаго).

олоднымъ ноябрьскимъ вечеромъ, въ проливной дождь, на почтовую станцію въѣхалъ мальпостъ, запряженный четверней. Единственный зажженный фонарь его, котораго не успѣла еще потушить буря, бросалъ тусклый свѣтъ на мокрую мостовую. Наконецъ-то продрогнувшіе путешественники добрались до мѣста! Изъ числа пріѣзжихъ одинъ только господинъ не былъ встрѣченъ дружескимъ привѣтствіемъ; другихъ же встрѣтили заботливые друзья, или родные, съ дождевыми зонтиками и теплымъ платьемъ, что, послѣ до-нельзя утомительной дороги, конечно было принято съ живѣйшей благодарностью. Нашему незнакомцу никто не подалъ руки, чтобъ высадить его изъ экипажа. Въ волосахъ его пробивалась сѣдина — отпечатокъ старости; онъ медленно и съ трудомъ вышелъ изъ кареты; грустная улыбка пробѣжала по его устамъ, когда онъ взглянулъ на своихъ спутниковъ, торопливо расходившихся: одни спѣшили укрыться отъ дождя, другіе стремились вернуться домой къ своимъ, никто не обращалъ никакого вниманія на него. Онъ остался одинъ и, опираясь на свою палку, сталъ подниматься на лѣстницу почтовой конторы. Тутъ въ сѣняхъ стояла дѣвочка лѣтъ четырнадцати, робко прижавшись въ углу.

— Кого ты дожидаешься, Аньхенъ? спросилъ почтальонъ, который, съ часами въ рукѣ, шелъ въ канцелярію.—Всѣ пріѣзжіе разошлись уже по домамъ; безъ особенной причины никто въ такую погоду не остается на улицѣ. Развѣ твоя тётка ожидаетъ гостей?

— Здравствуй, Антонъ! отвѣчала дѣвочка, еще плотнѣе закутывая свои руки въ передникъ; она перезябла въ холодныхъ сѣняхъ.— Когда будутъ раздавать письма, полученныя съ сегодняшней, вечерней почтой?

— Ужь такъ долго ты вѣрно не станешь дожидаться, отвѣчалъ смѣясь почтальонъ,— потому что сегодняшняя вечерняя почта будетъ выдаваться не ранѣе, какъ завтра утромъ. А теперь ты только успѣешь добѣжать до дому, пока городскія ворота еще не заперты. Вѣдь вы съ тёткой-то живете на краю свѣта!

— Завтра утромъ! повторила со вздохомъ дѣвочка; лицо ея приняло грустное выраженіе. Нѣсколько секундъ постояла она въ нерѣшимости, всматриваясь въ бурную, темную ночь, потомъ накинувъ на голову передникъ, пустилась бѣжать по улицѣ, а буря такъ и завывала.

Незнакомецъ съ необыкновеннымъ участіемъ провожалъ ее глазами до того мѣста, до котораго падалъ дрожащій свѣтъ гаснувшаго фонаря, и тогда только спросилъ у коммиссіонера, нѣтъ ли по близости почты гостинницы, въ которой можно бы нанять на нѣсколько дней комнату для больнаго. Коммиссіонеръ услужливо повелъ его къ красивому дому, противъ почты, въ которомъ сейчасъ отвели ему комнату, по его желанію, въ первомъ этажѣ. Несмотря на то, что было уже очень поздно, путешественникъ тотчасъ послалъ за знаменитымъ хирургомъ, такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Б. лечиться отъ долговременной раны на ногѣ. До глубокой ночи виднѣлся свѣтъ сквозь щели ставень. Пріѣзжій лежалъ въ постели, но не могъ спать: его мучила боль въ ранѣ. Онъ думалъ о бѣдной дѣвочкѣ, которую встрѣтилъ на почтѣ,

съ добрымъ и мягкимъ выраженіемъ на грустномъ личикѣ, и эта мысль служила ему развлеченіемъ во время долгой, безсонной ночи. Ему хотѣлось, на слѣдующее утро, нарисовать на память ея портретъ; онъ былъ живописецъ. Какъ только разсвѣло, художникъ велѣлъ придвинуть себѣ кресло къ самому окну, приготовилъ бумагу, карандаши, и отъ времени до времени посматривалъ на почтовую контору; ему было любопытно видѣть вернется ли туда дѣвочка, и произведетъ ли она на него тоже самое впечатлѣніе какъ наканунѣ, когда онъ видѣлъ ее при слабомъ освѣщеніи, и съ такимъ печальнымъ выраженіемъ лица. Для человѣка совершенно здороваго, эти наблюденія не имѣли бы конечно того интереса, какой они имѣли для больнаго, не имѣвшаго никакого развлеченія и которому докторъ предписалъ спокойствіе и осторожность.

Вчерашняя бурная, дождливая погода смѣнилась свѣтлою и тихою ночью, — подъ утро стало морозить, и наконецъ пошелъ снѣгъ, большими, частыми хлопьями. Почтовая контора находилась въ узенькой улицѣ, застроенной высокими домами; она была темна и даже тогда, когда небо не было покрыто такими большими, снѣжными тучами какъ въ настоящее время. Художникъ только-что напился кофе, какъ увидѣлъ стройный станъ дѣвушки, стоящей на крыльцѣ почты; глаза ея, полные ожиданія, были обращены къ окошку, изъ котораго выдавались письма, но до открытія его оставалось еще минутъ двадцать. Платье на дѣвушкѣ было надѣто старое, поношеное, но матерія и выкройка были лучше нежели бываютъ обыкновенно у людей бѣдныхъ; ея руки распухли и покраснѣли отъ холода; платье было слишкомъ коротко для нея, черная бархатная кофта слишкомъ узка, и не застегивалась у ворота; на головѣ былъ накинутъ полинялый шерстяной платокъ. Дѣвочка отъ времени до времени стряхивала съ себя хлопья снѣгу и видно было, что она очень озябла.

Въ это время въ комнату вошелъ слуга, и подалъ пріѣзжему, потребованную имъ, вчерашнюю газету.

— Я очень желалъ бы знать, чья это дѣвочка? спросилъ больной, указывая на дѣвочку, съ которой встрѣтился наканунѣ.

Слуга окинулъ взглядомъ весь рядъ домовъ, на противоположной сторонѣ улицы; ему казалось невѣроятнымъ, чтобы незнакомецъ спрашивалъ его о той самой дѣвочкѣ, которая стояла у почты; художникъ долженъ былъ яснѣе повторить тотъ же вопросъ, чтобы добиться отвѣта.

— Ахъ, это дочь покойнаго хозяина гостинницы подъ вывѣскою „Льва,“ отвѣчалъ слуга съ видомъ состраданія. Бѣдное дитя, какъ ей холодно! А скупая тетка ея такъ богата, что могла бы водить свою племянницу въ шелку, да въ тонкомъ полотнѣ; но въ настоящее время теплая шубенка была бы ей всего нужнѣе и пріятнѣе. Да, вотъ до чего доводятъ карты и пьянство!

— Ну, братъ, ты вздоръ говоришь, прервалъ съ нетерпѣніемъ художникъ. Если бѣдная дѣвочка и впала въ бѣдность, то конечно не отъ подобныхъ причинъ. Живъ ли у нея отецъ?

— Да, я о немъ-то и говорилъ вамъ; онъ былъ картежникъ и пьяница, вслѣдствіе чего разорился, и умеръ въ бѣлой горячкѣ, какъ называютъ это доктора. Жена его умерла еще ранѣе отъ горя, и никто не хотѣлъ призрѣть бѣдную сироту. Наконецъ взяла ее къ себѣ тетка, сестра отца, да и та рѣшилась на это не столько изъ состраданія, сколько потому, что дѣвочка была очень трудолюбива, кротка, и содержаніе ея почти ничего ей не стоило. Мнѣ это все хорошо извѣстно, я служилъ три года въ гостинницѣ „Льва,“ и собственноручно возилъ Аньхенъ на саночкахъ въ школу. Да, въ то время ей конечно хорошо жилось. Тетка ея страхъ какъ скупа, и держитъ ее для того, чтобы она торговала у нея въ лавкѣ; торгуетъ же она шерстью и чулками. Не

красна жизнь этой дѣвочки. Одинъ Богъ знаетъ, что она терпитъ. Хотя Аньхенъ по глазамъ скупой тетки отгадываетъ ея желанія, работаетъ сколько хватаетъ силъ, и ѣстъ не болѣе канарейки, но старуха никогда не порадуетъ ее добрымъ словомъ, и каждый день попрекаетъ ей тѣмъ, что кормитъ ее только изъ милости.

Болтливый лакей прервалъ свою рѣчь, чтобы подставить мягкую скамеечку подъ больную ногу барина, который со вздохомъ промолвилъ вполголоса:

— Да, въ старости привязанности становятся для насъ еще нужнѣе, а въ насъ самихъ, къ несчастію, становится все менѣе и менѣе душевной теплоты!

— Что касается г-жи Вальдмейстеръ, — такъ зовутъ тетку Аньхенъ, — продолжалъ слуга,—она всей душой привязалась къ чужому мальчику, котораго взяла просто съ улицы, куда бросила его цыганка, да и была такова. Возвращаясь какъ-то вечеромъ домой, г-жа Вальмейстръ нашла на дорогѣ маленькаго мальчика, который горько плакалъ. Она вообразила себѣ, что ребенокъ убѣжалъ изъ дома родителей, что его станутъ искать, и найдя у нея, дадутъ вознагражденіе за то, что она взяла его къ себѣ, напоила и накормила его. Но недѣля проходила за недѣлей и никто не справлялся о черноволосомъ и смугленькомъ мальчикѣ, такъ что волей-неволей пришлось ей оставить его у себя. Сначала ей было трудненько, но со временемъ Андрюша сталъ ея любимцемъ, и кончилось тѣмъ, что за исключеніемъ денегъ, ничто на свѣтѣ не было для нея дороже воспитанника. Онъ выучился столярному ремеслу, и живетъ теперь на чужой сторонѣ. Вотъ этотъ-то воспитанникъ и получитъ все состояніе старухи, разумѣется, послѣ ея смерти, потому что теперь она даже для любимца своего съ трудомъ жертвуетъ копейкой. Бѣдная Аньхенъ такъ добросовѣстно помогаетъ ей заработывать и копить деньги, а останется все-таки съ пустыми руками. Тетка говоритъ, что она и безъ того очень много сдѣлала для племянницы, не говоря уже о томъ, что дала взаймы сто талеровъ ея отцу, и никогда не получала ихъ обратно. Андрюша конечно ничего добровольно не дастъ Аньхенъ изъ своего полученнаго наслѣдства. Говорятъ, что онъ сталъ вести разгульную жизнь, и не мудрено, потому что благодѣтельница его была съ нимъ слишкомъ слаба, а это всегда имѣетъ дурныя послѣдствія; къ тому же, онъ вѣроятно наслѣдовалъ отъ матери врожденную склонность къ праздности.

— А Аньхенъ, въ какихъ она отношеніяхъ съ Андрюшей?—хотѣлъ только-что спросить живописецъ, но въ эту самую минуту отворилось на почтѣ окошко. Аньхенъ живо прыгнула къ нему, чтобы первой получить письмо, ея лицо сіяло радостью и ожиданіемъ, пока дежурный чиновникъ разбиралъ письма, она протягивала уже руку къ нему, — но чиновникъ покачалъ головой и закрылъ окно. Бѣдная дѣвочка горько заплакала, и оттого, что было обмануто ея ожиданіе, и оттого, что она очень перезябла. Толкотня около почты заставила ее удалиться. Такъ какъ на улицѣ со стороны почты было скользко и грязно, Аньхенъ перешла на другую сторону, и должна была пройдти мимо самаго окна художника, который слѣдилъ за ней съ удвоеннымъ участіемъ. Въ то время, какъ она уже совсѣмъ приближалась къ окну, живописецъ увидѣлъ, какъ подошелъ къ ней человѣкъ съ краснымъ воротникомъ и мѣдной бляхой на груди, и услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Дома ли тетка, я хочу зайти къ вамъ сегодня утромъ?

— Ахъ, воскликнула Аньхенъ съ испуганнымъ видомъ, не случилось ли чего дурнаго, что вы собираетесь къ намъ г. Альдманъ? Бѣдная моя тетка безъ того больна, не дай Богъ разсердить ее или испугать!

— Ну, зачѣмъ же она все такъ къ сердцу принимаетъ? отвѣчалъ полицейскій съ усмѣш-

кой. Что ей за дѣло, до этого повѣсы Андрюши? Любишь кататься, люби и саночки возить!

— Ахъ, Боже мой, что случилось съ Андрюшей? Скажите мнѣ скорѣе всю правду, упрашивала Аньхенъ съ умоляющимъ видомъ.

— Случилось только то, что этотъ повѣса надѣлалъ глупостей! Онъ кутилъ, затѣялъ исторію въ трактирѣ, и всѣхъ переколотилъ. Такъ какъ онъ давно не платилъ, его засадили и не выпустятъ, пока тетка не уплатитъ долговъ. Вотъ и все!

— Такъ вотъ отчего такъ долго нѣтъ писемъ отъ Андрюши, промолвила бѣдная Аньхенъ. Я раза два въ день понапрасно бѣгала на почту, чтобы получасомъ ранѣе принести письмо бѣдной теткѣ, которая такъ давно ждетъ извѣстій, — а онъ, бѣдный, въ тюрьмѣ и не можетъ даже писать. Тетка умретъ, если узнаетъ это! Не говорите ей, бѣдной, ничего; пожалуйста, не говорите, добрѣйшій господинъ Альдманъ!

— Если ты въ состояніи внести эти деньги, то навѣрное не скажу, отвѣчалъ онъ и хотѣлъ идти далѣе, но дѣвочка удержала полицейскаго за рукавъ.

— А много ли надо заплатить? спросила она со страхомъ.

— Двадцать гульденовъ; но не задерживай меня долѣе. Мнѣ нѣтъ времени болтать о пустякахъ съ маленькой дѣвченкой!

Аньхенъ съ испугомъ всплеснула руками, но едва отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ полицейскій, какъ она подняла поникшую головку и, несмотря на глубокій снѣгъ, побѣжала за нимъ въ догонку. Художникъ не могъ разслышать, что она ему говорила, и вскорѣ потерялъ онъ обоихъ изъ виду.

— Глупенькая дѣвочка, замѣтилъ слуга, который тоже слышалъ весь разговоръ, что она такъ безпокоится объ этомъ негодяѣ? Если тетка пойметъ, наконецъ, что это за дрянной мальчишка, и умретъ разгнѣванная противъ негодяя, не оставивъ духовнаго завѣщанія, тогда Аньхенъ наслѣдуетъ имѣніе, которое по закону дѣйствительно должно бы достаться ей.

— Я бы дорого далъ, чтобы узнать, что она намѣрена сдѣлать, думалъ съ своей стороны художникъ, и въ раздумьи опустилъ голову на руку. Вскорѣ послѣ того пришелъ докторъ, чтобы сдѣлать художнику операцію—сильныя страданія заставили его позабыть въ первый разъ о своей маленькой знакомой. Къ вечеру онъ лежалъ на мягкихъ подушкахъ въ креслахъ, утомленный и разстроенный; на улицѣ снѣгъ пересталъ падать, стало ясно и очень холодно. Художникъ началъ читать, но книга скоро выпала у него изъ рукъ; въ ту самую минуту промелькнулъ мимо его окна стройный станъ дѣвушки. Это была навѣрное та самая, которую онъ видѣлъ на почтѣ, и въ самомъ дѣлѣ, та же дѣвочка поспѣшно поднялась на крыльцо почтовой конторы. Она осторожно посмотрѣла вокругъ себя, не слѣдитъ ли кто за ней, и вынула изъ-подъ передника руку, въ которой держала письмо съ пятью печатями. Аньхенъ осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и съ довольнымъ видомъ подошла къ окошку. Но чтожъ это значитъ? Дежурный говоритъ ей что-то, качаетъ головой, и наконецъ отдаетъ ей письмо назадъ. Она нерѣшительно беретъ его, со страхомъ кладетъ руку въ карманъ, опускаетъ глаза въ землю, какъ будто ищетъ что-то. Художникъ, отъ котораго не ускользало ни одно движеніе дѣвочки, досталъ изъ кармана кошелекъ, вынулъ изъ него поспѣшно одинъ талеръ, и нетерпѣливо отворилъ окно. Онъ не зналъ — позвать ли ему дѣвочку и изъ-за ставни дать ей деньги, (онъ догадался, что у нея не хватило денегъ на отправку письма), или бросить деньги черезъ улицу къ ногамъ дѣвочки. Въ эту самую минуту, черезъ улицу переходилъ, съ ящикомъ сигаръ, лакей, служившій въ этой самой гостинницѣ. Художникъ сдѣлалъ ему знакъ; онъ подошелъ къ отворенному окну.

— Отдай дѣвочкѣ эти деньги, шепнулъ

живописецъ слугѣ. Скажи ей, что старый должникъ ея отца спрашивалъ о немъ, и хочетъ дочери заплатить свой долгъ. Словомъ, скажи, что хочешь, только скорѣй исполни мою просьбу.

Порученіе было сейчасъ же исполнено. Художникъ заперъ окно, спустилъ занавѣси и спрятался за ними. А противъ окна, у почты, Аньхенъ дружески разговаривала со слугою, старымъ ея знакомымъ — и вотъ, она платитъ за письмо, и плачетъ отъ радости.

— Что это за странная дѣвочка! говорилъ лакей, входя нѣсколько времени спустя въ комнату живописца, съ зажженными свѣчами. Она отвѣчала совершенно откровенно на всѣ мои вопросы, тѣмъ болѣе, что я отчасти зналъ уже въ чемъ дѣло. Для того, чтобъ отклонить отъ старой тетки испугъ и огорченіе, Аньхенъ продала свою золотую цѣпочку, подарокъ крестной матери, и единственная цѣнная вещь, которую имѣла дѣвочка. Она не расчитала, что придется заплатить за отправку письма, и изъ-за этого чуть-чуть все дѣло не разстроилось, потому что у тетки она не смѣетъ спросить ни копѣйки. Я сказалъ ей откровенно свое мнѣніе,— вѣдь я ее такъ давно знаю,— но это на нее не подѣйствовало. Мой другъ, весело отвѣчала она мнѣ, ты не знаешь сколько я себѣ доставила счастливыхъ минутъ, пожертвовавъ моей цѣпочкой?“ Теперь каждый разъ, какъ я взгляну на тетку, я всегда буду вспоминать, что избавила ее отъ большаго горя, и потому буду любить ее больше, чѣмъ когда нибудь, и гораздо терпѣливѣе буду переносить ея брань. Мнѣ еще никогда не случалась сдѣлать кому нибудь подарокъ, а теперь и я тоже узнала, что значатъ слова св. Писанія: давать доставляетъ болѣе счастья, чѣмъ получать. Вотъ что она отвѣтила мнѣ на всѣ мои возраженія и сверхъ того сказала: развѣ ты не понимаешь, что, дѣйствуя такъ, я исполняю волю Божію. Иначе могло ли случиться, что я именно теперь получила деньги отъ человѣка, который былъ долженъ моему отцу. Я былъ принужденъ замолчать, чтобы не проговориться. Но какъ вы поблѣднѣли, баринъ. Боже мой, вамъ дурно.

Слуга бросился къ художнику, который безъ чувствъ упалъ къ нему на руки. Сильная боль въ ногѣ и лихорадка, обнаружившіяся, вслѣдствіе операціи, были причиной этого обморка.

Прошло три недѣли съ тѣхъ поръ, какъ художникъ поселился противъ почты. Впродолженіе всего этого времени ни разу не сидѣлъ онъ у окна, ни разу не поглядѣлъ на улицу. Очень часто приходилъ къ нему хирургъ, наконецъ сталъ ходить еще другой докторъ: живописецъ былъ опасно болѣнъ, болѣнъ въ совершенно чужомъ ему городѣ, гдѣ никто его не зналъ, и никто слѣдовательно не принималъ въ немъ участія. На улицѣ то и дѣло мелькали сани; снѣгу выпало много, дорога была отлично укатана; серебряные колокольчики звенѣли такъ весело. Разъ какъ-то вечеромъ колокола необыкновенно торжественно гудѣли, и звонъ ихъ долеталъ до комнаты больнаго.

— Что это значитъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Завтра первое воскресенье рождественскаго поста, отвѣчалъ Францъ.

— Первое воскресенье рождественскаго поста! повторилъ живописецъ, и эти слова пробудили въ душѣ его цѣлую вереницу воспоминаній дѣтства. Съ какой радостью встрѣчалъ онъ бывало этотъ постъ, предвѣстникъ праздниковъ. А теперь—не то ли самое чувство долженъ онъ возбуждать въ немъ, только гораздо сильнѣе прежняго.

Ребенкомъ могъ онъ только предугадывать глубокое, великое значеніе этого праздника, но съ тѣхъ поръ онъ уже совершенно ясно понялъ, какое неоцѣненное благо было даровано человѣчеству пришествіемъ Спасителя. Миръ, миръ, на землѣ, яко на небеси! Такъ возвѣщали ангелы благочестивымъ пастухамъ. Да, да промолвилъ онъ про себя:

Отворяйте врата настежь,
Грядетъ Господь нашъ, Царь всеблагій,
Царь царствующихъ, Онъ спасеніе и жизнь
намъ приноситъ!

Эту духовную пѣсню выучилъ онъ еще въ школѣ, и много, много лѣтъ не приходила она ему на память. Теперь больной, слабый, одинокій, лежалъ онъ въ полумракѣ, и въ воображеніи его ясно рисовались черты сѣдаго, но еще бодраго старичка учителя; ясно вспомнилось ему, какъ онъ заставлялъ бывало учениковъ пѣть эту пѣснь передъ началомъ классовъ, въ продолженіи всего Рождественскаго поста, и самъ тихо вторилъ имъ на скрипкѣ. Художнику представлялись свѣжія, цвѣтущія лица его школьныхъ товарищей—многіе изъ нихъ давно уже лежать въ могилѣ. Тогда у него были отецъ и мать, друзья и товарищи, а теперь остался онъ совершенно одинокимъ на свѣтѣ.

Францъ, слуга, который такъ усердно ухаживалъ за больнымъ, и успѣлъ къ нему привязаться, подошелъ къ постели, чтобы дать ему лекарство, и замѣтилъ съ безпокойствомъ, что больной закрывалъ рукой глаза, на которыхъ блестѣли слезы. Добрый малый не понималъ, что кромѣ страданій и печали могутъ быть еще другія причины слезамъ. Съ участіемъ сдѣлалъ онъ нѣсколько вопросовъ художнику, но получивъ только отрывистые отвѣты, досталъ наконецъ изъ кармана письмо и сказалъ:

— Вамъ, можетъ быть, интересно будетъ узнать, что нибудь объ Аньхенъ. Вотъ, я имѣю письмо отъ нея.

— Она къ тебѣ пишетъ? Съ ней что нибудь случилось? спросилъ съ большимъ участіемъ больной.

— Нѣтъ. Андрюша писалъ къ дѣвочкѣ. Она опять и утромъ и вечеромъ прибѣгала на почту, чтобы тетка не догадалась объ томъ, что случилось съ Андрюшей. Вы были такъ больны, что не могли болѣе заботиться объ ней. Случайно встрѣтилъ я Аньхенъ; она стояла на углу улицы и читала письмо, не обращая никакого вниманія на прохожихъ, которые съ бранью толкали ее въ сторону. Какъ только она меня увидѣла, такъ радостно мнѣ закричала: пойди сюда, Францъ, на, читай, и стыдись, что такъ дурно говорилъ про Андрюшу. Ты долженъ убѣдиться, что онъ несравненно лучше, нежели вы всѣ думаете. Какъ хорошо, что тебѣ не удалось сбить меня съ толку тогда, когда я рѣшилась деньги послать!— Я взглянулъ на письмо, но оно было такъ длинно, что не было возможности прочесть его въ минуту; къ тому же я подумалъ, что вамъ будетъ пріятно прочесть. Вы приняли такое участіе въ этой дѣвочкѣ. Вотъ я и спросилъ: не можетъ ли она оставить мнѣ это письмо, дня на два. Она подумала немного и сказала: по настоящему не слѣдовало бы, въ немъ говорится такъ много хорошаго про меня, а все неправда. Надо спрятать это письмо такъ, чтобъ не попалось оно теткѣ нигдѣ, а разорвать жаль! Такъ пускай же оно у тебя хранится! Вотъ оно; хотите, я вамъ прочту его?

— Это будетъ нехорошо, отвѣчалъ художникъ.—Дѣвочка вѣроятно не допустила бы этого, и каждый честный человѣкъ не долженъ читать чужихъ писемъ, но я такъ искренно желаю ей добра и такъ хотѣлъ бы помочь ей, а это письмо можетъ указать мнѣ, какъ я могу сдѣлать это!

Францъ положилъ конецъ колебаніямъ больнаго; онъ поспѣшно развернулъ письмо и началъ читать:

„Милая моя Аньхенъ!

Благодарю тебя тысячу разъ за письмо и деньги; замѣть, Аньхенъ, прежде за письмо, а послѣ уже за деньги, хотя эти послѣднія вывели меня изъ большаго затрудненія. Но какъ ты ихъ достала, это до сихъ поръ остается для меня загадкой. Ты стараешься меня увѣрить, что тебѣ ихъ дала тетка, но я убѣжденъ, что это неправда. Я хорошо ее знаю. Еслибъ это была правда, то

*

зачѣмъ бы ты настаивала на томъ, чтобъ я ни за что не упоминалъ объ деньгахъ, когда я буду писать къ теткѣ. Очень жалѣю о ея болѣзни, смотри же береги ее, чтобъ она выздоровѣла скорѣй, я напишу ей непремѣнно вскорѣ, на этотъ разъ тебѣ пишу первой.

Во всю свою жизнь я не забуду услугу, которую ты мнѣ оказала, и когда буду мастеромъ, стану беречь деньги и отдавать тебѣ, маленькая Аньхенъ. Тогда ты заживешь получше чѣмъ теперь, не будешь черный хлѣбъ ѣсть или голодной ложиться спать, когда тетка не въ духѣ. Тогда я куплю тебѣ хорошенькое платье для воскресныхъ дней, ты такъ любишь ходить въ церковь. Кстати объ церкви, я вспомнилъ что хотѣлъ сказать тебѣ. Ты пишешь мнѣ слѣдующее на счетъ того, что я тутъ надѣлалъ: „какъ это ты ухитрился попасть въ воскресный день въ дурное общество, развѣ ты въ воскресенье ходишь въ трактиръ, Андрюша? прошу тебя убѣдительно, не дѣлай больше этого въ такіе дни, а то съ тобой случится еще большее несчастье.“ — Видишь ли что, моя добрая, милая Аньхенъ: съ того времени какъ я пришелъ на чужую сторону, каждое воскресенье ходилъ въ трактиръ, дома тетка держала меня строго, я не смѣлъ сдѣлать ничего подобнаго, но чрезмѣрная строгость вредна; только что меня выпустили изъ дому, я и далъ себѣ полную волю. Такая добрая и кроткая дѣвочка, какъ ты, не можетъ понять что такое пьянство, кутежъ и буйство; дѣло въ томъ, что у меня вышла порядочная драка, послѣ которой я долженъ былъ заплатить за разбитыя стекла, стулья и посуду, а денегъ у меня не было, жалованье уже прокутилъ. Тогда меня посадили въ комнатку, похожую на погребъ, въ который никогда не проникали лучи солнца; тамъ было холодно и сыро; я былъ раненъ въ двухъ мѣстахъ на головѣ и страдалъ телѣсно и душевно до тѣхъ поръ, пока не получилъ письмо твое, которое и выручило меня изъ бѣды. Это было въ воскресенье и въ то время, какъ я шелъ въ мастерскую, заблаговѣстили къ обѣднѣ. Неужели ты не можешь изъ любви къ Аньхенъ, хоть одинъ разъ провести воскресенье такъ, какъ слѣдуетъ, думалъ я дорогой. Я почистилъ платье и пошелъ въ церковь. Мнѣ стало стыдно, что я прежде ни разу не подумалъ объ этомъ, хотя въ школѣ меня учили, что должно свято проводить праздники, и странно: вообрази, что священникъ говорилъ именно объ томъ какъ мы должны святить воскресеніе, и какъ грѣшно нарушать четвертую заповѣдь. Мнѣ казалось, будто всѣ оглядываются на меня, и весь день я невольно думалъ о проповѣди, и казалось, будто со мной случилось что-то необыкновенное. Я часто слышалъ то, что говорилъ проповѣдникъ, но никогда до тѣхъ поръ такія слова не дѣйствовали на меня такъ сильно. Мое сердце было сильно разтрогано твоимъ письмомъ, Аньхенъ, и тѣмъ, что ты для меня сдѣлала, тогда какъ я такъ мало показалъ свою любовь къ тебѣ, даже часто мучилъ и сердилъ тебя, когда былъ дома. Послѣ обѣда я преспокойно остался въ мастерской, и занялся работой. Тогда товарищи начали подсмѣиваться, дразнить меня, и говорили, что удивляются какъ скоро укротила меня темная комната. Ложный стыдъ и чисто ребяческое самолюбіе заставили меня схватить пальто, чтобъ бѣжать въ трактиръ и начать прежнюю безпутную жизнь, но твое письмо выпало изъ кармана къ моимъ ногамъ, и когда я нагнулся поднять его, мнѣ показалось какъ будто ты говоришь мнѣ: не ходи, Андрюша, если ты меня любишь, не ходи! Послѣ этого я опять сѣлъ за работу, и преспокойно сталъ вырѣзывать деревянный набалдашникъ. Когда всѣ другіе разошлись, пришелъ братъ моей хозяйки — (я работаю у вдовы) онъ помощникъ типографщика и бываетъ каждое воскресенье у сестры. Онъ очень хорошій и честный человѣкъ. Въ этотъ разъ онъ подошелъ ко мнѣ и ласково спросилъ меня: не прочесть ли мнѣ что нибудь,

пока я работаю; у него съ собой была взята хорошая книга. Словомъ, чтобъ скорѣе покончить мой разсказъ, скажу тебѣ, что первое воскресенье, которое я провелъ дома, принесло мнѣ много пользы; въ этотъ день я пріобрѣлъ друга. Ты теперь не безпокойся, дорогая Аньхенъ, я не буду бѣгать въ трактиръ; у насъ есть занятія получше этого: я хочу учиться рисовать у Эмиля, и читаю вмѣстѣ съ нимъ полезныя книги, на эти то книги я и буду издерживать свои деньги, а не на пивс, табакъ и водку, какъ издерживалъ прежде. Эта новая жизнь очень меня радуетъ. Порадуйся и ты вмѣстѣ со мной, Аньхенъ, потому что еслибы ты не показала мнѣ столько любви, а вмѣсто этого тетка прислала бы мнѣ цѣлый коробъ упрековъ, то дѣло конечно не кончилось бы такъ хорошо. Я ужъ такъ и рѣшилъ: если на меня станутъ коситься по поводу этой глупой исторіи, то я весной уѣду въ Австралію— чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. А со мной, противъ всякаго ожиданія, были такъ добры, мнѣ показали столько участія, что мое зачерствѣлое сердце было тронуто. Эмиль кланяется тебѣ; онъ отличный человѣкъ, такой прямой, честный и умный! да, онъ никогда не велъ такой безпорядочной жизни, какъ нашъ братъ. Теперь ужъ этого не будетъ, въ трактиры или собранія я больше не буду ходить; на этотъ счетъ ты можешь быть спокойна. Я буду слушать съ большимъ вниманіемъ проповѣдника, который такъ хорошо съумѣлъ расшевелить мое сердце, хотя ни чуть не подозрѣвалъ моего дурнаго поведенія. Завтра послѣ вечерни, я напишу къ теткѣ, но за отправку письма я конечно не въ состояніи заплатить. Богъ знаетъ будетъ ли ей пріятно имѣть обо мнѣ извѣстія. Нынѣшнюю зиму я проведу еще здѣсь. Товарищи говорятъ, что послѣ этой исторіи, хозяйкѣ слѣдовало бы отказать мнѣ, и она хотѣла это сдѣлать, но Эмиль уговорилъ ее меня оставить. Такой онъ добрый! И не забудь, что въ то время онъ не былъ еще моимъ другомъ. Постараюсь не обмануть его довѣріе ко мнѣ. Я далъ себѣ слово, что буду мастеромъ черезъ годъ, считая отъ Рождества. Да хранитъ тебя Господь, Аньхенъ, не огорчайся такъ сильно, когда тетка бранитъ тебя. Повѣрь, что она сама страдаетъ отъ своего дурнаго характера, сказалъ бы мой пріятель Эмиль, на котораго, къ сожалѣнію, ни мало еще не похожъ,

Преданный тебѣ,

Андрюша“.

Письмо это доставило большое удовольствіе больному. Онъ узналъ наконецъ тайну дѣвочки, и его участіе къ ней стало еще живѣе. Едва Францъ успѣлъ сунуть письмо въ карманъ, какъ живописецъ поспѣшно спросилъ его: Нѣтъ ли здѣсь по близости магазина готовыхъ дамскихъ вещей?

— Какъ же, есть, и очень близко, отвѣчалъ Францъ, моя сестра служитъ въ этомъ магазинѣ. Если желаете что купить тамъ, навѣрное останетесь довольны.

— Такъ распорядись, чтобъ мнѣ сегодня же принесли оттуда хорошее, теплое платье, теплый платокъ и перчатки, для — ну — для молодой дѣвушки. Ростомъ она будетъ такая, какъ дочь покойнаго содержателя гостинницы „Льва.“

Францъ побѣжалъ сію же минуту исполнить порученіе, возвратился чрезъ полчаса, и принесъ хорошенькое шерстяное платье, темнаго цвѣта, красный шелковый платочекъ, и теплыя перчатки.

— Въ этомъ нарядѣ Аньхенъ будетъ похожа на маленькую барышню! сказалъ слуга весело потирая руки. Художникъ нахмурилъ немного брови, но безъ помощи Франца не было бы возможности исполнить задуманный планъ; онъ велѣлъ ему принести ящикъ и уложить въ него вещи. Сверху вещей художникъ самъ положилъ листъ бумаги, а на немъ, рукой дрожащей отъ слабости, сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Доброй и благочестивой дѣвушкѣ отъ стараго друга.“ Послѣ того

ящикъ былъ отданъ на почту; дѣвочка должна была получить его на слѣдующее утро, какъ подарокъ на Рождество. Художникъ желалъ этаго потому, что вспомнилъ, какъ въ этотъ самый день, въ родительскомъ домѣ, раздавали всегда маленькіе подарки, и какъ онъ на всю жизнь сохранилъ объ этомъ самыя пріятныя воспоминанія. Приготовляя подарокъ для дѣвочки, и представляя себѣ ея радость, художникъ совсѣмъ повеселѣлъ, отлично провелъ ночь. На другое утро докторъ нашелъ, что больному стало гораздо лучше, и въ первый разъ позволилъ ему встать съ постели.

Когда почтальонъ, съ повѣсткой для полученія посылки, вошелъ въ маленькій магазинъ г-жи Вальдмейстеръ, и прямо подошелъ къ Аньхенъ, у тетки посыпались искры изъ глазъ.

— Что это значитъ? сказала она со злостью, вѣрно надъ дѣвочкой кто нибудь вздумалъ подшутить, и ко мнѣ будутъ приставать и требовать, чтобы я заплатила за пересылку; не дождутся этого. Я увѣрена, что въ этой посылкѣ окажутся просто мелкіе камешки. Пускай она до окончанія вѣка на почтѣ проваляется!

— Ахъ, Господи, думала съ испугомъ Аньхенъ, ужь не посылаетъ ли что нибудь Андрюша. Тетка во всю жизнь не проститъ мнѣ этого, въ особенности если придется заплатить за доставку!

— Ужь все впередъ заплочено, проворчалъ почтальонъ, посылку можете получить безъ всякихъ затрудненій.

Послѣ безконечной брани и воркотни, г-жа Вальдмейстеръ согласилась наконецъ на полученіе загадочной посылки, и Аньхенъ съ замирающимъ сердцемъ отправилась за ней на почту. Но какъ только она увидѣла большой и совершенно новый ящикъ, на которомъ крупнымъ и красивымъ почеркомъ были написаны начальныя буквы ея имени, она не могла придти въ себя отъ удивленія. Возможно ли, чтобы этотъ ящикъ былъ дѣйствительно присланъ ей, и какъ снести его домой. Въ это самое время Францъ, какъ будто случайно, зашелъ на почту, спросить газету для своего барина, и съ начала сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Аньхенъ, но когда она подошла къ нему и спросила его совѣта, онъ, ничего не говоря, взялъ ящикъ на плечо и донесъ его до самаго магазина. Францу очень хотѣлось постоять тутъ нѣсколько минутъ, чтобы полюбоваться радостью Аньхенъ, когда она откроетъ посылку, но тетка дала ему понять, что пора ей запирать лавку, потому что сейчасъ заблаговѣстятъ къ обѣднѣ, а полиція взыскиваетъ очень строго за несоблюденіе этого правила, и налагаетъ за это денежные штрафы; женщина ея характера не допуститъ, говорила она, чтобы начальству пришлось напоминать ей объ ея обязанностяхъ. И такъ Францъ долженъ былъ уйдти, прежде, чѣмъ Аньхенъ успѣла открыть ящикъ, передъ которымъ стояла г-жа Вальдмейстеръ съ большими клещами въ рукѣ; она была сердита, но любопытство ея все-таки разыгралось: Аньхенъ не знала, должна ли она радоваться или бояться. — „Только бы Андрюша не сдѣлалъ глупости и не прислалъ мнѣ что-нибудь,“ — думала она, и сердце ея страшно билось.

Еслибъ художникъ могъ видѣть Аньхенъ, когда она послѣ обѣда пошла въ церковь, въ новомъ платьѣ, въ ватномъ капорѣ, цвѣтномъ платочкѣ и теплыхъ перчаткахъ, радуясь и гордясь хорошенькому своему наряду, она могла бы послужить ему сюжетомъ для картины. Тетка, скрестивши руки, стояла у порога дверей, и съ сердитымъ, злобнымъ выраженіемъ смотрѣла ей вслѣдъ; съ нея тоже, въ видѣ контраста, можно бы было написать картину. Казалось, ей слѣдовало радоваться тому, что такъ неожиданно облегчили ей тяжелую обузу, какъ выражалась она говоря про племянницу. Но она была слишкомъ скупа, чтобы порадоваться наряду дѣвушки; она возмущалась тѣмъ, что незнакомый че-

ловѣкъ сдѣлалъ ей такой цѣнный подарокъ, не придавая этому особенной важности, тогда какъ издержка эта была довольно значительная, „особенно въ такое время, когда деньги съ такимъ трудомъ наживаются,“ говорила со вздохомъ скупая женщина. „Такъ какъ ты уже заранѣе получила подарокъ на Рождество,“ сказала она Аньхенъ, „я съ своей стороны, могу тебѣ ничего не дарить. И что значитъ для тебя та бездѣлица, которую я хотѣла дать тебѣ? вѣдь ты какъ барышня нарядилась. Но ты не воображай, что и впередъ такъ будетъ. Я не богатая женщина. Къ тому же давать дѣвочкѣ такія дорогія платья совершенно противъ моихъ убѣжденій; это только развиваетъ духъ гордости и тщеславія. Было бы платье чисто, да цѣло.“

Аньхенъ была такъ счастлива въ настоящую минуту, что никакія дурныя мысли не приходили ей на умъ. Но въ продолженіи всего дня она все старалась угадать, кто бы былъ этотъ незнакомецъ, который такъ осчастливилъ ее. Что это былъ не Андрюша, въ этомъ она не могла долѣе сомнѣваться; можетъ быть Эмиль: по словамъ Андрюши, онъ удивительно добрый человѣкъ. Но на повѣсткѣ, которая приложена къ ящику, значилось, что онъ былъ поданъ наканунѣ, и притомъ въ этомъ же городѣ. „Ну, подумала она, Тотъ Кто одѣваетъ полевую лилію, и птичкамъ небеснымъ даетъ теплыя перушки, Тотъ, и обо мнѣ позаботился.“

Праздники прошли и зима стала уже не такъ сурова. Художникъ вышелъ изъ дому и, опираясь на свой костыль, отправился въ предмѣстье отъискивать лавку г-жи Вальдмейстеръ. Отъискавши ее, онъ вошелъ и спросилъ: нѣтъ ли шерстяныхъ чулокъ. Аньхенъ разматывала большой и презапутанный мотокъ шерсти, тетки не было въ лавкѣ. Художникъ любовался нѣкоторое время оживленностью дѣвочки, и веселыми ея отвѣтами. Наконецъ чтобы воспользоваться удобной минутой, онъ прямо спросилъ у нея: не согласится ли она вести его хозяйство, сначала подъ руководствомъ опытной женщины, его ключницы, которую Аньхенъ впослѣдствіи могла бы замѣнить? Съ начала Аньхенъ стояла, ничего не отвѣчая и только глаза ея заблестѣли отъ радости, но потомъ она покачала головой и сказала: „Я необходима для тетки; въ послѣднее время она все хвораетъ и кому же какъ не мнѣ ухаживать за ней; вѣдь она только изъ состраданья взяла меня къ себѣ. Еслибы не это,“ — и глаза ее обратились съ довѣріемъ къ художнику, который такъ ласково и дружески разговаривалъ съ ней. „Еслибы не это, я пошла бы къ вамъ. и съ какимъ еще удовольствіемъ пошла бы. Когда Андрюша, воспитанникъ тетки, возвратится съ чужой стороны и будетъ самъ хозяиномъ, тогда она переѣдетъ къ нему и закроетъ торговлю, а до тѣхъ поръ я должна оставаться при ней.“

— А послѣ? спросилъ художникъ.

— Каждая птица находитъ кустикъ, подъ который можетъ пріютиться, отвѣчала Аньхенъ съ выраженіемъ твердаго упованія, — и для меня Господь найдетъ пріютъ къ тому времени.

— Ты совершенно права, уповай во всемъ на Бога, мой другъ, и Онъ не оставитъ тебя, сказалъ художникъ положивъ руку свою на голову дѣвушки, будто благословляя ее.

— Но если, когда нибудь, тебѣ здѣсь будетъ нехорошо, продолжалъ онъ, вотъ тебѣ мой адресъ и мое имя, и если ты чувствуешь довѣріе къ старику, который желаетъ тебѣ много добра, приходи смѣло ко мнѣ; если я буду живъ, для тебя всегда будетъ мѣсто въ моемъ домѣ. Да хранитъ тебя Богъ. — Художникъ поспѣшно, на сколько позволяла выздоровѣвшая, но еще слабая нога, пошелъ домой въ гостинницу; дорогой онъ подарилъ купленные въ лавкѣ чулки какому-то старичку, который обтесывалъ камни. На другое утро, всѣ окна въ нижнемъ этажѣ гостинницы, находящейся противъ почты,

были отворены настежъ. Незнакомецъ, который такъ долго занималъ эту квартиру, уѣхалъ.

— Папенька еще спитъ? спрашивала молодая дѣвушка, выглядывая въ полуотворенную дверь уютно убранной гостиной.

— Нѣтъ, онъ давно всталъ, и пишетъ большую свою картину, отвѣчала пожилая женщина, накрывавшая столъ. Можетъ ли кто-нибудь въ домѣ спать, когда ты такъ давно возишься въ кухнѣ, замѣтила она съ видомъ неудовольствія, но украдкой улыбаясь.

— А развѣ въ самомъ дѣлѣ было слышно, что я тамъ дѣлала, спросила съ испугомъ дѣвушка и вошла въ комнату. Лицо дѣвушки разгорѣлось отъ огня; сверхъ хорошенькаго утренняго платья, на ней былъ надѣтъ передникъ, густые волосы были прикрыты бѣлымъ какъ снѣгъ чепчикомъ съ розовыми лентами, которыя были ей очень къ лицу. Вся она была такъ миловидна и свѣжа, что старушка не могла долѣе притворяться сердитой и дружески потрепала ее по щекѣ.

— Скажи на милость, что ты тамъ творишь въ кухнѣ и въ кладовой? спросила она.

— Милая мадамъ Кернеръ, этого вы не узнаете, пока не придетъ папенька, отвѣчала дѣвушка, весело потирая руки, — не пойти ли мнѣ къ нему, да не потревожить ли его? я нахожу, что онъ слишкомъ долго сидитъ за работой; это было хорошо, когда онъ былъ одинъ и не имѣлъ дочери, но теперь...

— Такъ вотъ какъ! воскликнула старуха, протяжнымъ и обиженнымъ тономъ,—одинъ, одинъ! а развѣ я не была всегда съ нимъ, а развѣ я совершенный нуль, совершенная ничтожность?

— Вы милая и славная женщина, утѣшала экономку, улыбаясь, дѣвушка,— я не то хотѣла сказать; но мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы отецъ давалъ себѣ болѣе отдыха и не работалъ такъ усидчиво.

— Подумай же, вѣдь картина, которую онъ пишетъ теперь, по всей вѣроятности будетъ куплена королемъ, и это ему доставитъ много славы и денегъ.

— Слава, этого я не понимаю, а деньги, Боже милостивый! никакой король на свѣтѣ не можетъ меня вознаградить за жизнь милаго и добраго отца, еслибы онъ... она не могла выговорить; слезы полились по ея разгорѣвшемуся лицу.

Она не замѣтила, что нѣсколько минутъ передъ тѣмъ боковая дверь потихоньку отворилась и разговоръ ея со старухой былъ подслушанъ.

— Да благословитъ тебя Господь, за твою привязанность къ старику! сказалъ глубоко тронутый художникъ, протягивая обѣ руки къ дѣвушкѣ; она бросилась къ нему на шею, и въ большой комнатѣ стало такъ тихо, что было слышно стукъ маятника маленькихъ часовъ, стоявшихъ на мраморномъ выступѣ камина.

— Но чтожъ это такое? сказалъ старичекъ, желая перемѣнить разговоръ, чтобы не слишкомъ разчувствоваться и не взволновать дѣвушку; отчего у тебя пузыри на рукахъ? — Ай, какая ваша ученица не ловкая, мадамъ Кернеръ.

Та съ улыбкой пожала плечами.—Аньхенъ уже вышла изъ-подъ моей команды и изволитъ распоряжаться сама на кухнѣ, я совершенно не нужна теперь.

Аньхенъ успѣла уже выбѣжать изъ комнаты и возвратилась съ тарелкой полной миндальнаго пирожнаго въ видѣ сердецъ, искусно обложенныхъ фруктами, и, улыбаясь отъ радости, поставила ее на столикъ противъ художника. Что это значитъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ, осматривая вкусное пирожное, такъ апетитно передъ нимъ разложенное, — вѣдь сегодня не рожденіе мое и не праздникъ; мнѣ кажется, что, пользуясь довѣріемъ мадамъ Кернеръ, которая даетъ тебѣ ключи отъ всѣхъ кладовыхъ, ты въ будни тратишь весь ея запасъ сахару и миндалю; ты маленькая мотовка!

— Папаша, вѣдь у насъ сегодня первое

воскресенье Рождественскаго поста, отвѣчала Аньхенъ съ веселой улыбкой. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этотъ самый день, ты обрадовалъ бѣдную дѣвушку прекраснымъ подаркомъ, теперь и тебѣ можно сдѣлать маленькій подарокъ. Ты мнѣ разсказывалъ, что въ домѣ твоихъ родителей, въ первое воскресенье Рождественскаго поста, маменька давала вамъ такое пирожное, и что ты любилъ его. Попробуй же то, которое сдѣлала тебѣ дочь твоя — моя учительница можетъ гордиться мною. При этомъ дѣвушка ласково кивнула головой на мадамъ Кернеръ, которая съ видомъ знатока глядѣла на пирожное и повидимому была имъ довольна.

Художникъ не отвѣчалъ, онъ сидѣлъ въ углу дивана, опустивъ голову на руку; онъ часто сидѣлъ такъ, когда сочинялъ свои картины. Но въ этотъ разъ онъ закрылъ глаза для того, чтобы скрыть навернувшіяся слезы благодарности къ Богу, за то, что Онъ даровалъ ему такое счастіе въ одинокой старости. Какъ цвѣтокъ, пересаженный изъ безплоднаго грунта въ землю, согрѣтую солнцемъ, даетъ новые ростки, и цвѣтетъ съ большею силою, такъ и Аньхенъ, послѣ трудной и тяжелой жизни, перенесенная въ атмосферу теплой любви, стала все болѣе и болѣе развиваться и съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывалась къ своему благодѣтелю.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА.

На площади передъ Зимнимъ Дворцомъ, въ которомъ обыкновенно живетъ Государь со своимъ Августѣйшимъ Семействомъ, стоитъ колонна изъ цѣльнаго гранита, имѣющая болѣе 150 футовъ вышины; на вершинѣ ея находится ангелъ, держащій въ лѣвой рукѣ крестъ, а правой указывающій на небо Колонна эта — памятникъ, воздвигнутый, по волѣ Императора Николая, Его державному брату, Александру I, Благословенному, спасшему, своею твердостью и мудростью, наше отечество въ годину бѣдствій.

Тяжело для Россіи было то время, когда ворвался въ ея предѣлы французскій Императоръ Наполеонъ I, со своими полчищами! Войска наши были малочисленнѣе непріятельскихъ, и потому должны были отступать, дабы не дать ему перевѣса въ сраженіи. Въ первый разъ встрѣтилась русская армія грудь съ грудью съ непріятелемъ на поляхъ Бородинскихъ; бой былъ жаркій, дрались отчаянно, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны и обѣ онѣ остались на своихъ мѣстахъ: ни мы, ни французы не отступили. (Эпизодъ изъ этого боя взятъ сюжетомъ для повѣсти, которая помѣщена въ началѣ этой книжки).

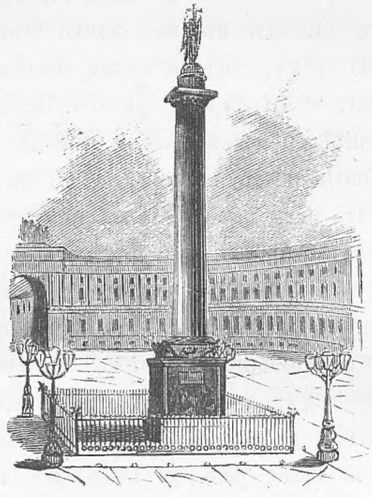
Послѣ Бородинскаго сраженія, русская армія направилась къ Москвѣ и, пройдя черезъ нее, стала на большой Калужской дорогѣ, между Москвою и нашими внутренними губерніями. Первопрестольная столица Русской земли, матерь всѣхъ русскихъ городовъ, была отдана непріятелю безъ боя, безъ выстрѣла! Сильно забилось сердце каждаго русскаго при полученіи этого извѣстія, злоба готова была закипѣть въ немъ, руки, какъ-то невольно, протягивались къ оружію,—но вотъ раздался голосъ нѣжно любимаго Государя: Александръ обратился къ своему народу съ воззваніемъ, въ которомъ объявлялъ, что сдача Москвы была необходима, уговаривалъ всѣхъ не волноваться, „съ терпѣніемъ и покорностью переносить посылаемое Богомъ испытаніе;“ призывалъ всѣхъ, кто только могъ держать въ рукахъ оружіе, на бой съ непріятелемъ и поклялся, что не положитъ оружія *„пока хоть одинъ непріятель останется въ предѣлахъ русскихъ“*. Народъ повѣрилъ Его словамъ, съ радостью послѣдовалъ Его призыву и толпами повалилъ становиться въ ряды народнаго ополченія.

Въ это же время начался закатъ звѣзды Наполеона, счастье перестало ему улыбаться: взятіе Москвы было началомъ его паденія,

которое окончилось изгнаніемъ французскаго императора на островъ св. Елены...

Послѣ сдачи Москвы наши войска, бодрые духомъ и кипящіе желаніемъ отомстить за униженіе родины, одерживали, надъ истощеннымъ и изнуреннымъ непріятелемъ, одну побѣду за другой, гнали его съ ожесточеніемъ до р. Березины, переправа черезъ которую была окончательной гибелью для французской арміи: большая часть ея была уничтожена въ сраженіи или погибла въ снѣгахъ, отъ морозу; другая-же переправилась черезъ нашу границу и буквально бѣжала, со стыдомъ, черезъ всю Германію, къ себѣ во Францію.

Императоръ Александръ сдержалъ свое слово: — ни одного вооруженнаго непріятеля не оставалось въ нашихъ предѣлахъ, Россія была спасена. И какъ горячо благодарилъ своего Монарха русскій народъ! Онъ не только любилъ его, а боготворилъ. Слово „Благословенный“ было выраженіемъ чувствъ каждаго русскаго, какъ знатнаго, такъ и простолюдина. Чувства эти перешли и въ потомство. Императоръ Николай понялъ это и Его желаніе слилось съ желаніемъ всего народа. Памятникъ *во славу Александра отъ благодарной Россіи* — вотъ чего хотѣли какъ Государь, такъ и всѣ Его подданные.



Александровская колонна.

Наконецъ памятникъ этотъ былъ открытъ въ 1834-мъ году; онъ состоитъ, какъ мы уже сказали, изъ цѣльнаго гранитнаго столба, добытаго въ Финляндіи, въ Выборгской губерніи, въ 160 верстахъ отъ Петербурга. Подножіе памятника украшено изображеніями (барельефами), вылитыми изъ бронзы и представляющими разныя событія изъ славной эпохи 1812 года и слѣдующихъ походовъ Александра; на обращенной ко дворцу сторонѣ пьедестала, находится надпись: — „Александру I благодарная Россія.“ У подножія памятника поставлена будка, на часахъ у которой стоятъ поочереди ветераны русской арміи, доканчивающіе свою службу въ такъ называемой „Золотой Ротѣ.“

Открытіе Александровской колонны было народнымъ торжествомъ. Цѣлыя тысячи народа, въ томъ числѣ множество изъ героевъ двѣнадцатаго года, стеклись на этотъ день въ Петербургъ и собрались на площади молиться, вмѣстѣ съ Царемъ и Его семействомъ, за упокоеніе душъ погибшихъ славною смертью на полѣ брани и присутствовать при освященіи и открытіи дорогаго для всѣхъ памятника. Грустныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкія чувства наполнили сердца зрителей, когда сдернуто было холщевое покрывало и глазамъ присутствующихъ представился, во всемъ своемъ величіи, памятникъ, который долженъ былъ служить доказательствомъ глубокой и благоговѣйной признательности всего Русскаго народа къ избавителю дорогаго отечества.

А. С.

Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 10-го апрѣля 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.